КОЛОЖСКИЙ БЛАГОВЕСТ

специальный выпуск журнала «Поколение»

Когда со мною случается, что меня трогает больше пение, нежели то, что поётся, то я признаюсь, что тяжко согрешаю, и тогда желал бы я не слышать поющего.

Блаженный Августин

№1 (14) 2017

поколение.бел

12+

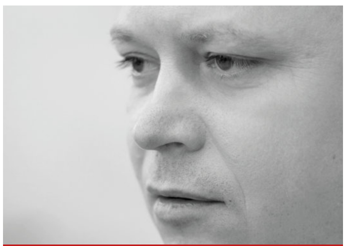
ВСЁ, ЧТО ЕСТЬ

ПОКОЛЕНИЕ 1 (14) 2017

XVI

ЧЕГО МЫ ХОТЕЛИ?

Мы хотели побыть детьми самого что ни на есть привлекательного возраста – лет, наверное, четырёх. «Мама, а куда ты идёшь?» – «В магазин». – «А зачем?» – «За продуктами». – «А зачем продукты?» – «Чтобы кушать». – «А зачем кушать?» – «Чтобы быть здоровыми» – «А зачем быть здоровыми?» – «Чтобы жить». Следующий вопрос этого ребёнка задают себе взрослые дяди в огромных очках, и мало кто из них находит ответ.

Елена Бабич

Главный редактор

Во время работы над этим номером мы очень часто спрашивали наших героев, зачем они делают те или иные вещи, тратят свои силы и средства, время и здоровье на то, что считают по-настоящему важным. Так мы надеялись добраться до самых серьёзных вопросов нашей жизни. Добраться до ответов мы не надеялись вовсе – вряд ли у нас могло бы получиться лучше, чем у Сократа или Хайдеггера. Да и какие ответы можно искать, когда самый главный Ответ воскрес две тысячи лет назад и ответил всем на всё более чем конкретно. Что Он хотел этим сказать? Что мы вряд ли сами так сможем, поэтому следует попробовать вместе с Ним.

Если всё настолько понятно, детский вопрос нужно задать нам: зачем тогда мы «мучаем» героев?

Очень просто: мы хотим, чтобы их поняли. Мама, может быть, знает, для чего нужно жить, а ребёнок не знает, даже зачем нужно ходить в магазин. Не потому что глупый, а потому что у ребёнка просто нет такого опыта. У него есть своя сверхважная миссия в бою между драконами и эльфами (и мама о ней, кстати, тоже имеет весьма поверхностное представление), но «ходить в магазин» – это не точто скучно, это даже понимать не хочется!

Вот потому что не хочется понимать других, мы потом и остаёмся у разбитого корыта. Истина, как известно, «где-то рядом», только что с этого толку, если ты её не видишь? Вот, скажем, попросили меня о чём-то или чего-то потребовали, а я «отказываюсь сотрудничать».Хорошо, если я спрошу «зачем?», хорошо, если мне ответят. А если мне неловко спросить? А если у человека нет времени ответить? И слов у него нет, и мыслей сейчас тоже нет, и желания, честно говоря. Но это не значит совсем, что в его просьбе нет смысла. Но ведь нам иногда так нравится думать, что его нет! Можно расстраиваться, осуждать, бурчать себе под нос, опрокинуть поднос – всё чего душа пожелает.

Нам бы хотелось, чтобы наши души, души наших читателей и героев желали всё-таки чего-нибудь созидательного. Чаще всего для этого нужно просто услышать друг друга. Мы только попробовали установить связь.

Чего ещё мы хотели?

Люди, которые заняты чем-то большим, сложным и красивым, например, они руководят хором или устраивают фестиваль, вообще-то говоря – как минимум талантливы.Они уверены в важности своего дела, всё о нём знают и рады его исполнять. В то же время у них, как и у каждого из нас, как правило, нет в голове подробного текста, который полностью отражал бы смысл нашей работы, говорил бы обо всех наших чувствах, объяснял бы любой нюанс, касающийся наших действий любому человеку на планете.

У нас нет этого текста, потому что он нам не нужен. В уме есть общее представление, вкус, многолетний опыт, вчерашний разговор, и всё это вместе неплохо укладывается в нашей голове в какую-то вполне понятную только нам форму. Говорят, кто ясно мыслит, тот ясно излагает. Не уверена, что эта формула работает всегда. Иногда человеку просто редко приходилось что-либо излагать. Тысячу раз наблюдала, как в интервью герой начинает понимать себя – иначе не скажешь. А всё потому, что он вынужден говорить так, чтобы его понимал собеседник. Выбирать самые точные слова, самые подходящие эмоции. Всему кладу нашего опыта так можно устроить мобилизацию, в результате которой окажется, что мы знаем больше, чем могли предположить.

Мы хотели, чтобы в этот раз талантливые люди говорили о церковном пении, о фестивале, о своих музыкальных чувствах и идеях именно так – делясь с нами кусочками своего общего внутреннего представления. А потом слова вернулись бы обратно к ним, и представление обрело бы ясную форму, может быть, оно обрело бы даже название.

Ещё я тысячу раз наблюдала, как герой, который вынужден находить ответ на невероятно сложный для него вопрос, таки находит этот ответ, и это становится для него сюрпризом. И даром для читателя. Когда мы договариваемся об интервью с героем, мы договариваемся с ним как бы о том, что выделим два-три часа, чтобы подумать на какую-то тему. От этого времени никуда не сбежать и если использовать его правильно, то герой и автор получают награду. Вот мы хотели, чтобы было так. И чтобы это почувствовал читатель, и чтобы всем было интересно, и чтобы солнце было ярче, трава зеленее, коты пушистей.

А ещё мы очень хотели успеть выпустить журнал к фестивалю, чтобы разбудить мысли читателей, участников, зрителей, организаторов, жюри. Как же много мы всё-таки хотели! И всё для того, чтобы приблизиться к ответу на обыкновенный вопрос маленького ребёнка: «А зачем жить?»

АНФАС

Для меня каждый фестиваль – это маленькое открытие и опыт. Открытием можно считатьпросто заинтересованность людей хоровым православным пением, поскольку вмире современной попсы, когда всё поверхностно, глубокие вещи не так притягательны.

Меня радует общение с участниками, в том числе с людьми из других стран. Ты для себя открываешь православие, которое отличается от привычного нам – действительно вселенское православие. Атмосфера разнообразия – это особенность фестиваля.

Священник Александр Ноздрин

Елена Бабич

ДЕЛО ПО ВЕРЕ

протоиерей Анатолий Ненартович

Как «Коложский Благовест» помогает побеждать себя. Говорим с протоиереем Анатолием Ненартовичем.

Если кто-нибудь решает устроить фестиваль, концерт или выставку, зрители аплодируют, обсуждают, спорят, оценивают. Всех интересует в основном результат, реже – ответ на вопрос «почему?». И уж совсем редко ответ на вопрос «зачем?», но если задавать его долго, есть шанс от фактов прийти к философии смысла жизни. Похоже, так получилось с протоиереем Анатолием Ненартовичем – председателем оргкомитета фестиваля православных песнопений «Коложский Благовест».

О ПРИЧИНАХ

– Почему люди устраивают фестивали?

– Думаю, каждый ответит на этот вопрос по-своему, но для меня как человека с музыкальным образованием фестиваль – это особенно близко и понятно. Всегда очень переживаешь, если в каком-то храме не удаётся собрать коллектив певчих, который стал бы настоящим церковным хором – передавал бы «дыхание молитвы» верующих в храме. Когда видишь, что даже светские люди заинтересованы в том, чтобы наши церковные коллективы были соответствующего уровня, чтобы туда приходили образованные люди, чтобы детские хоры появлялись и развивались, то тем более грешно было бы не подумать об этом священнослужителям, священноначалию – всем, кто участвует в православном богослужении.

– Можно по-разному повысить уровень певчих – отправить учиться, например. Зачем фестиваль?

– Наша задача – не сделать профессионалов, так сказать. Наша задача – раскрыть красоту бо-го-служения, показать её через песнопение. И воцерковить людей, которые приходят в храм. Это относится не только к прихожанам, но и к певцам хоров, потому что часто они приходят на клирос, не будучи церковными людьми – просто интересуются православным песнопением или ищут Бога. Пение в хоре помогает человеку ответить на многие вопросы. Всё это – процесс, и фестиваль – его часть.

Конкурс – это своеобразная тренировка и для регента. Поскольку в церковном хоре всегда есть и профессионалы, и любители, руководитель должен взять такой репертуар, чтобы заинтересовать первых и не исключить вторых. На приходе важно уметь находить такой баланс.

– Если вы ставите такие задачи, то, наверно, и оцениваете не только музыкальный профессио-нализм. Что важно кроме него?

– Профессионализм тоже бывает важен по-разному, потому что есть разные уровни коллективов. Для одних стройное пение, чистота интонирования и пение ансамблем являются нормой, для других – достижением. Когда не музыканты начинают петь в два, в три, в четыре голоса, когда они уже действительно становится хором, когда песнопение воспринимается как целостное произведение, это нужно принимать во внимание.

Другая и самая важная сторона медали заключается в понимании смысла песнопения. Можно петь Господу, а можно просто исполнять произведение на религиозную тему. Бывает очень красиво, воодушевлённо, вдохновенно, но не церковно. Особенно это касается светских коллективов. Порой берут произведение, но регент и сам не считает нужным разобраться с текстом, и уж тем более не станет просить об этом хористов. Даже в храмах лишь немногие регенты знают, как выстроить песнопения, чтобы получилось целостное богослужение. Чаще всего это отдельные красивые концертные номера. Так вот одна из наших задач – отличать концертные номера от православных песнопений, которые подразумевают прежде всего молитву.

– Наверно, непросто, когда в формате концертного номера вы должны оценить то, что не должно являться концертным номером.

– Почему? Вот я, как говорится, кожей чувствую. Когда мурашки бегут по телу, это о многом го-во-рит. Конечно, это не главный критерий – мы не должны увлекаться чувственностью в произведе-ниях, но всё же молитва всегда чувствуется.

ПРОЩЕ ДОГОВОРИТЬСЯ

– А принцип подбора жюри. Кто оценивает?

– Мы стараемся, чтобы в жюри были и светские музыканты, которые работают с хоровыми кол-лективами, и священнослужители, которые имеют музыкальное образование и опыт работы с хором.

Одно из требований, которое сформировалось при создании фестиваля, может показаться странным или несовременным, это даже несоблюдение гендерного баланса – у нас одни мужчины в жюри. Это было общим решением, потому как женщины часто бывают слишком эмоциональны. Когда нет женщин, мужчины лучше договариваются.

Приглашаем членов жюри из тех стран, представители которых приезжают к нам на фестиваль в качестве участников конкурса. Православное фестивальное движение в мире не очень широко распространено, поэтому фестивали самое лучшее заимствуют друг у друга, и часто члены жюри одного фестиваля становятся членами жюри другого.

Важно и участие в подготовке фестиваля. Мы просим всех членов жюри не просто приехать на прослушивание, а на протяжении года стараться думать о том, чтобы представить на суд наших зрителей интересный коллектив.

КАКОЕ ТВОЁ ДЕЛО?

– Священнослужитель + музыкант. Какие черты характера определяет этот микс?

– Как говорит наш владыка, все музыканты – взбалмошные люди. Это относится ко всем творче-ским личностям в той или иной мере. Когда мы говорим о священнослужителе, который ещё и музыкант, то на примере нашей епархии могу сказать, что это очень хорошее сочетание. Протоиерей Андрей Бондаренко – лауреат государственной премии, композитор, человек, который долгое время возглавлял «Гродненскую капеллу». Много раз мы убеждались в том, что помимо его музыкального творчества и заслуг в этой сфере есть священнослужитель, который является духовником нашей епархии. И для многих отец Андрей прежде всего священник.

– Для кого-то священник, а для кого-то и музыкант.

– Для кого-то и музыкант... Но это уживается в человеке и сочетается. Что касается меня, то даже при поступлении в семинарию передо мной стоял вопрос: кто я – музыкант или тот человек, который должен навсегда бросить музыку и заниматься исключительно богословием – быть студентом семинарии. Боялся, что 15 лет, которые я посвятил музыке, были потрачены зря. Но буквально с первых дней в духовной семинарии я понял, что не только не зря, но и даже кстати – музыка очень востребована в Церкви. Потому что богослужение – это музыка. Это молитва в музыке. Я в скором времени стал регентом, потом преподавателем церковного пения в семинарии, а когда приехал в Гродненскую епархию, стал одним из организаторов фестиваля. Вот и следствие суммы музыкального и богословского образований. Как это сочетается во мне, сам не могу судить, но я никогда не жалел о том, что много времени в жизни посвятил музыке.

– Церковная музыка всё-таки – узкая сфера. 15 лет вы занимались в основном другими направ-лениями. Не жалели, что всё, кроме песнопений, придётся оставить?

– Это же не значит, что человек может слушать только церковную музыку или только петь в цер-ковном хоре.

– Разумеется, но когда вы думали, кем быть, музыкантом или священником, стоял, скорее всего, именно этот вопрос.

– Вопрос – да. Если ты становишься студентом духовной семинарии, то, по-моему, этим говоришь себе, что музыкантом ты уже не будешь, а будешь священником, потому что те люди, которые поступают в семинарию, должны прежде всего иметь желание стать священнослужителями. Немножечко обидно, что ты потратил столько времени на учёбу.

– Обычно обидно, что нет возможности что-то реализовать.

– Ну... в данном случае, наверно, я правильно отнёсся к своим возможностям. «Реализовать свою мечту как музыканта я не смогу, значит, должен выбрать какую-то другую мечту в жизни», – так думал. И как только я смирился со своим поражением, то Господь послал другую радость – зани-маться музыкой, будучи священнослужителем. Это уравновесило мои надежды и желания. И во многом в жизни помогло.

– Давайте представим, что человек чем-то увлечён. Он профессионал, он талантлив. Он видит смысл в своем деле. Предположим, он музыкант и может создать 5 произведений в год. Но талантливые люди часто стремятся к большему – организовывают событие, к которому привлекают других людей – а как без них? В то же время му-

Протоиерей Анатолий Ненартович

Родился 22 мая 1968 г. в деревне Орля Щучинского района Гродненской области. Учился в Республиканской школе-интернате для одаренных детей по музыке и изобразительному искусству (Минск). Окончил Музыкально-педагогическое училище (Гродно). С 1990 по 1994 гг. учился в Минской Духовной Семинарии. С 1994 по 1997 гг. – преподаватель Мин ДС, руководитель мужского хора семинарии. 26 июня 1994 г. епископом Новогрудским и Лидским Константином рукоположен во диакона, 9 июля 1995 г. – во иерея.

В 1998–2003 гг. учился в Варшавской Христианской Теологической Академии. В 2005 г. получил степень магистра богословия.

8 декабря 1998 г. отцу Анатолию поручено духовное окормление общины прихода Собора Всех Белорусских Святых в Гродно и строительство храма, с 2001 г. он – настоятель прихода.

С 1999 г. и по настоящее время занимает должность секретаря Гродненской епархии.

Протоиерей Анатолий Ненартович является одним из инициаторов создания и проведения Международного фестиваля православных песнопений «Коложский Благовест», который он как председатель организационного комитета возглавляет на протяжении всего времени его существования.

Иерархические награды: 1998 г. – камилавка, 2000 г. – наперсный крест, 2002 г. – сан протоиерея, 2005 г. – палица, 2007 г. – крест с украшениями, 2011 г. – митра.

зыканту всегда приходится доказывать им, что то, что он делает – важно. Вам знакома такая ситуация?

– Людей, которые хотели, чтобы фестиваль существовал, было гораздо меньше, чем людей, которые не хотели. Мало того, что это масса организационных вопросов, масса вызовов для прихожан и регентов, так это ещё и огромные финансовые потери. Любой бухгалтер сказал бы: «Мы столько денег тратим на этот фестиваль! Нужно ли это?» И каждый раз нам приходится говорить о том, что это важно, и важно в первую очередь для тех, кто в этом участвует. Мы часто прикрываемся зрителями – говорим, что это востребованно, что люди приходят, что они хотят услышать и увидеть. Но редко говорим о тех, кто внутри.

Всё-таки каждый человек, приходящий в храм, должен задумываться о смысле своей жизни, о спасении и о том, чтобы становиться лучше. Так вот те люди, которые что-то для этого делают, а в данном случае – поют на клиросе, ходят на репетиции, готовятся к выступлению, – они не просто хотят показать какой-то красивый номер, а направляют свой труд во славу Божию. Тем самым они идут по пути своего спасения. Если бы мы перед собой никакие цели не ставили, то, наверное, плохо закончили бы все.

– Есть разные люди: те, которым что-то нужно, и те, которым ничего не нужно.

– Да! Да. И тех, которым ничего не нужно, гораздо больше!

– Как взаимодействовать?

– В нашем случае всё очень хорошо сложилось: мы административный ресурс сочетаем с творческим порывом. Там, где не хватает творческого порыва, мы добавляем административного ресурса. Я надеюсь, что будет больше порыва и меньше администрации.

– Не будет.

– Может, и не будет. Но теперь так. Я считаю, что по-другому пока и не работает, да и не бывает.

– Бывает.

– Бывает, но не длится не долго.

Конечно, сегодня любой регент скажет: зачем мне это надо? Это столько времени, столько сил, нервов. Но он забывает о том, что люди, которые стоят внизу и слушают пение хора, замечают, что хор поет всё лучше и лучше, что на клирос приходят новые певчие, что есть движение – есть нормальная церковная жизнь. Просто он этого не видит, потому что у него семья, потому что у него дети, потому что он думает: «Что скажут коллеги о моём выступлении?» Возможно, после фестиваля останутся какие-то недосказанные слова, возможно, некоторые сочтут решения несправедливыми, ведь у каждого своё мнение… Безусловно! Но это всё надо преодолевать.

– Вам надо, а кому-то не надо. Как объяснять?

– Лучше, чем апостол Павел, не скажешь: «Вера без дел мертва есть». Если я музыкант и священ-нослужитель, то считаю, что дело фестиваля – это то, в чём я могу участвовать, то, что мне нравится, то, что меня не надо заставлять делать. И это дело моей веры. Каждый должен задуматься :в конце концов, если ты верующий, то какое твоё дело по вере? Определи для себя сам.

– Предположим, певчий считает пение делом по вере, но определил, что какое-то другое дело для него важнее. Как объяснять?

– Как в нашем храме, я допускаю, можно… объяснить. Регент рассказывает о том, что состоится очередной фестиваль православных песнопений, говорит: «Я представляю, как мы все заняты, и знаю, что ни у кого нет времени, но нам нужно выучить новую программу».

– А чтобы человек сам захотел?

– Если очень просто, то… «Чтобы нам не было стыдно, давайте сделаем».

– А почему я должен идти туда, где мне будет стыдно?

– Хорошо, я делаю зарядку, мне каждое утро не хочется, я себя заставляю, но когда я начинаю чувствовать себя лучше…

– Вот-вот! Как увидеть смысл?

– Любой смысл открывается только тогда, когда ты трудишься, когда ты работаешь над собой, когда ты жертвуешь чем-то. Вот сейчас нам прислали заявки 37 хоровых коллективов. В основном из-за рубежа. В этом же есть какой-то смысл, если о фестивале знают не только в Беларуси, но и в других странах, если лучшие коллективы стараются к нам приехать и показать то, что они умеют. Ведь есть смысл в том, что наши местные певцы и регенты послушают, как поют другие, может, им тоже захочется перенять опыт коллег. Всё это даётся через труд, и прежде всего над собой.

«СВЕЧЕЧКА»

– Есть мнение, что творения начинают управлять своим творцом. С вами это происходит?

– Я неоднократно убеждался в своей жизни в том, что самое трудное – это... скатать снежок побольше. Начинать этот ком скатывать. Сначала, глядя на снег за окном, понимаешь, что понадо-бится очень много труда. А когда часть усилий уже приложил, становишься перед шаром, он ка-тится, и ты бежишь, не оглядываясь.

– Как фестиваль влияет на вас?

– Постоянно думаешь о нём, постоянно решаешь вопросы организационного плана. Потому что в последнее время появляется слишком много вызовов и угроз для фестиваля. Это и смена директоров, и постоянная нехватка финансирования, и поиск интересных коллективов – участников фестиваля.

– То, что это добавляет работы, понятно, а как это на ваше мышление влияет?

– А работа и влияет как раз. Человек без дела – не только бездельник. У него находится много времени для грехов. А когда человек занят, ему некогда про это думать.

– Фестиваль заставляет вас делать какие-то открытия?

«Я неоднократно убеждался в своей жизни в том, что самое трудное – это... скатать снежок побольше»

– Для меня всегда открытие одно: если человек чего-нибудь хочет, то Господь не только бла-го-словляет, не только твои «намерения целует», а даст всё необходимое для того, чтобы ты почувствовал, что есть плод твоих трудов.

– За годы фестиваля вы менялись благодаря фестивалю?

– Мне очень трудно говорить о себе. В последнее время я прихожу к выводу, что человек не ста-новится лучше. А становится только хуже. Надеюсь, что фестиваль мне помогает не стать хуже. Если кто-то из окружающих заметил, что я стал лучше, это хорошо.

– «Я здесь не для того, чтобы меняться, а для того, чтобы покончить с тем человеком, который и есть я». Монтень.

– Да, главное не опуститься... Вот понимаешь, все люди, которые принимают участие в организации фестиваля, делают это добровольно. Никто за это не получает никаких зарплат. Это наш безвозмездный труд, это наша «свечечка», которую мы ставим

Творцу своими трудами. И когда я вижу, что люди, которые совершенно не обязаны тратить своё время на организацию фестиваля, участвуют в нём, притом самым усердным и настоящим образом, мне становится стыдно. Мы – священнослужители, которые должны радеть об этом, которые должны всячески это оберегать, лелеять, жертвовать средства на это, – часто занимаем равнодушную позицию по отношению к церковному пению. Это меня, Слава Богу, пока обличает. Поэтому я с радостью хотя бы принимаю в этом участие.

ШАНС ВСТРЕТИТЬСЯ

– Человеку, которому не интересна церковная музыка, что вы можете сказать про фестиваль?

– Попрошу прийти хоть на одно прослушивание, хоть на один концерт, послушать хоть одно песнопение. Рано или поздно человека посетит Господь Своей благодатью. Когда это случится, никто не знает, но я думаю, что во время фестиваля у нас есть большие шансы встретиться с Богом.

– Неверующий тоже пойдёт на фестиваль встречаться с Богом?

– Не обязательно, но если он посмотрит, кто присутствует на прослушиваниях в нашем кафедральном соборе – старушки и одновременно лучшие музыканты города, хоровики, певцы, студенты, – возможно, он задумается, что или Кто может нас объединять.

Каждый приходит со своим интересом, но когда ты слышишь «ангельские» голоса в храме, то можешь почувствовать благодать. Всё завит от того, насколько ты способен её воспринять. Солнце светит всем, но почувствовать его теплоту и свет может только тот, кто выходит к нему. Так и здесь. Если ты хочешь почувствовать трепет в сердце, восторг или, наоборот,спокойствие, то церковное песнопение – это одно из лучших средств.

во время подготовки к фестивалю

ПРО СОВЕСТЬ

– Человек любой ленив, работать не хочет. Иногда встречаюсь я с нашими регентами, они говорят: «Давайте устраивать фестиваль не каждый год, а, может быть, раз в два года». Я говорю: «А может, раз в три года? Или в 4 года?» Или ещё: «Давайте мы не будем проводить конкурс?» Говорю: «А чем вам конкурс мешает?» – «Просто выступим, и не надо нас оценивать». Но всё-таки люди приезжают на фестиваль из других городов и стран именно с тем, чтобы их выступление как-то оценили, чтобы их работу отметили. В конце концов, и для зрителей, и для участников интересно узнать, кто показал наиболее убедительные результаты, понять, почему места распределены так, а не иначе, почувствовать «пульс времени».

– Если нет конкурса, повышать уровень сложнее?

– Любому музыканту известно, что такое выучить с хором 4-5 произведений. 20 минут пения – это

даже не 20 часов работы, это, может быть, 200 часов работы. И они как раз таки думают об этом. Конечно, жалко себя, жалко певцов, но для того, чтобы достичь результата, нужна самоотдача. Я, к счастью, вижу её, потому что, несмотря на такие слова, дела идут. И это радостно. Думаю, то, что обновились многие коллективы, особенно на сельских приходах, это заслуга фестиваля. Конечно, многие скажут «очередная обязаловка»: каждый год нужно ехать и принимать участие в фестивале. Да, это, в общем-то, административное распоряжение о том, что каждый храм должен приехать и выступить со своим хором. Но это заставляет священника подумать о том, какой же будет у него хор, это заставляет регента думать о том, кто придёт в хор, какой репертуар разучить. От этого в выигрыше остаются только прихожане, которые приходят в храм и слышат хорошее церковное пение.

– Есть аргумент, убивающий всё. Человек скажет: не надо мне никакое сверхъестественное пе-ние, я зайду и так помолюсь, пусть хоть одна бабуля поёт – и так нормально.

– Это только слова. Человек, который слышал нормальное пение в церкви, а потом приходит в храм, где такое пение отсутствует, не будет думать о молитве. Он будет думать, почему здесь так плохо поют. Я согласен на храм без пения. Согласен. Когда человек просто зашёл поставить свечу. Но богослужение подразумевает всё-таки пение. И то, как оно совершается– это важность огромной величины.

– Как вы думаете, важность церковного пения для вас и для прихожан одинаковая?

– Нет. Конечно, не одинаковая. Потому что на мне лежит ответственность за то, как поют в моём храме. Я как настоятель за это отвечаю не только перед прихожанами – перед своей совестью. И я, к сожалению, очень часто слышу, как певцы говорят, что их настоятелю вообще всё равно, как поют, или их настоятелю слишком дорого, чтобы хорошо пели. Или настоятелю вообще не до пения, у него другие интересы. И это очень печально, потому что мы забываем о том, что главное, а что второстепенное. Так вот, обеспечить хорошее пение в храме – это одна из самых главных задач настоятеля.

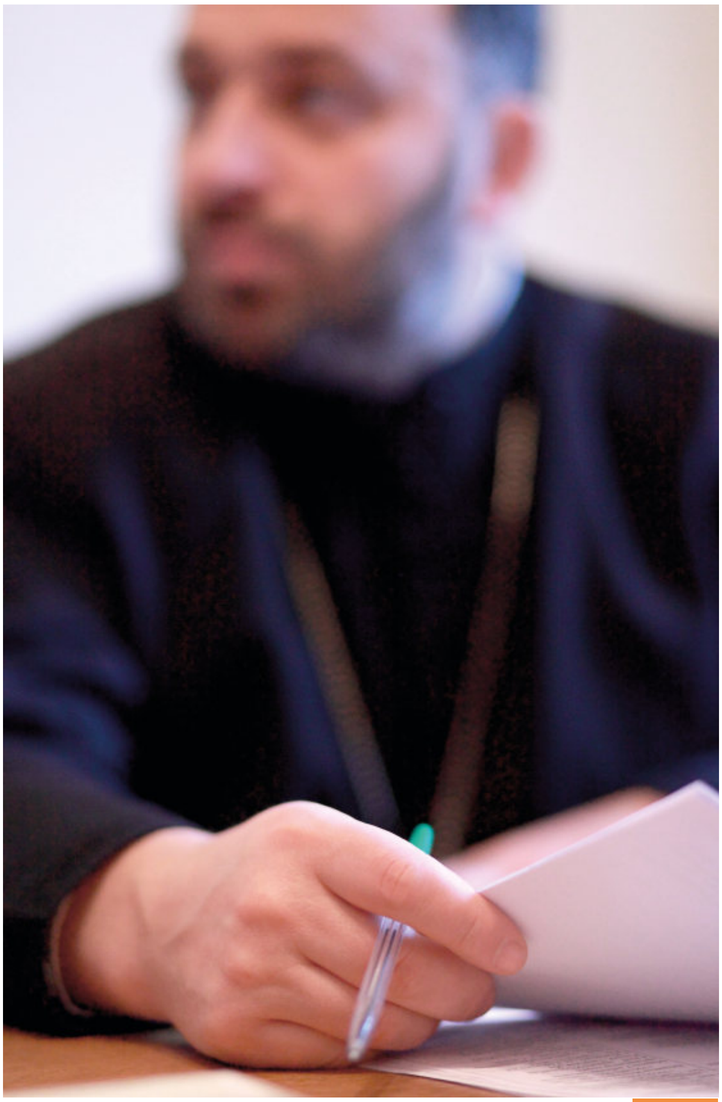
– Интересно... Если мы знаем о большом значении чего-то, а другие считают это неважным, тогда они делают больно нашей совести.

– Ну а что такое совесть? Это образ Бога в человеке. Если ты не живёшь в согласии со своей со-ве-стью, от этого катастрофа в тебе и случается.

– Фестиваль помогает избежать катастрофы в себе?

– Думаю, да.

фота Александра Пасечника

«Коложский благовест» символизирует для меня перемену жизни, поскольку с приходом в церковный хор поменялосьмоё отношение к церкви ик Богу.

Пение в хоре и участие в конкурсах было похоже вначале на проповедь о Боге через музыку.Позже для меня как для музыкального педагога это стало и хорошим уроком. В обоих случаях речь идёт об опыте подготовки. В своей профессиональной деятельности я готовлю учеников кмузыкальным конкурсам, обучаю их,а тут я сама ученик. В первом случае как будто бы я над музыкой, во втором – музыка надо мной. Фестиваль меня учит самоорганизации, однако за этим следует и привычка петь в хоре. И когда по каким-то причинам репетиции нет, то появляется ощущение, что чего-то не хватает.

ТЕМА НОМЕРА

Благодаря хору, музыке, фестивалю я стала воцерковлённым человеком, воцерковлёнными стали и мои дети,которые поют в детском хоре нашего храма.Поэтому моя любовь к хору является естественной любовью, а не привязанностью или обязанностью. И даже призовые места на фестивале на меня никак не влияют, потому что я привыкла спокойно относиться к победам и поражениямсвоих учеников.Их всегда настраиваю на такое жеотношение к делу: главное – участие. «Коложский благовест»в этом меня убедил, поэтому и мои собственные дети любые конкурсы и соревнования воспринимают просто как дар от Бога.

Наталья Куколович.
Певчая храма
в честь Собора
Всех Белорусских Святых

Артур Камароўскі

ВЕРА І ДЗЕЦІ

Як у Вялікай Бераставіцы жывуць хорам

Рэгент кранае камертон, прыкладае яго да вуха. Узмах рукі – і хор з дзяўчынак і хлопчыкаў бярэ патрэбную ноту, запаўняючы прастору царквы неверагоднымі гукамі. Дзіцячы хор храма Свяціцеля Мікалая Цудатворца ў пасёлку Вялікая Бераставіца рыхтуецца да чарговага фестывалю царкоўных песнапенняў «Каложскі Дабравест». Мінулым і пазамінулым разам хор атрымаў дыплом I ступені. Карэспандэнт «Пакалення» завітаў да рэгента Веры Яроміч, каб даведацца, як сталася так, што хор з невялікага мястэчка бярэ ўзнагароды і адкуль у ім з'яўляюцца таленты.

Больш душэўна

Колькі памятаю сябе – спяваю ў хоры. І не таму, што тата ў мяне святар. Мне проста падабалася гэта і ў шасцігадовым узросце, калі я толькі пачала спяваць, і зараз падабаецца не менш. Ужо ў пятнаццаць я пачала кіраваць дарослым хорам – яшчэ да таго, як паступіла вучыцца ў Гродзенскі гуманітарны каледж. Прычына была простая: не маглі знайсці рэгента. А пасля, калі адвучылася, разам з дарослым узяла і дзіцячы хор. У нас і за дарослы, і за дзіцячы хор адказвае адзін рэгент. Дарослы – богаслужбовы. А дзіцячы – больш свецкі, з рознымі канцэртнымі і конкурснымі праграмамі.

З дзецьмі прасцей. Ва ўсіх адносінах. Тым больш, амаль палова знаёмыя з нотнай граматай, у адрозненне ад дарослага хора – там адзінкі сустракаюцца. Прасцей і таму, што дарослыя цяжка запамінаюць. А дзеці – усяго некалькі рэпетыцый і ўжо спяваюць на памяць. Ды і разумеюць яны хутчэй, нават калі трэба патлумачыць песнапенне. З дзецьмі больш душэўна, можна адчуць большую шчырасць. Не скажу, што спяваюць яны лепш, але выступіць могуць паўсюль, нават пець на Літургіі.

Прыемна, што яны ёсць

У хор, па вялікім рахунку, трапіць можа кожны ва ўзросце ад 10 да 16 гадоў. Ніякага адбору няма. Голас павінен быць, само сабой. Але як ты адмовіш дзіцяці, калі яно прыходзіць і кажа, што хоча спяваць? Пасёлак у нас невялікі, займацца асабліва і няма чым. Хор – амаль адзіная магчымасць самарэалізацыі. У гэтым годзе прыйшло

Вера Яромич

Фото Александра Пасечника

трое дзяцей – папрасіліся да нас. З аднога боку, гэта добра: новыя галасы. А з другога – шкада, бо яны прыходзяць на месца выпускнікоў, якія з'язджаюць. І гэты працэс пастаянны.

Але, у любым выпадку, мне прыемна, што яны ёсць. Асабліва – што прыходзяць у царкву і спяваюць на кліpace. Басы ў дарослым хоры – гэта дзеці. Я ў кожным з іх упэўнена: яны ведаюць усё і могуць спяваць у любым храме. Многія з іх дакладна будуць і ў дарослым хоры.

Бліжэй адзін да аднаго

Самае лепшае, што дае дзіцяці хор – пачуццё асабістай значнасці і адчуванне калектыўнага духу. Кожны з іх нясе адказнасць за іншага. У прамым і пераносным сэнсе. Звычайна ў кожным творы мы маем некалькі партый, і калі знікае адна, працэс разбураецца і рэпетыцыя не адбываецца. У мінулым годзе ў нас дзяўчынка на ўколах паехала на фестываль у Гародню – з плачам дамаглася бацькоўскага дазволу. І трэба было бачыць, як яны радаваліся чарговаму дыплому – усе разам, як адзінае цэлае! Кожны з нас жыве хорам, бо так мы бліжэй адзін да аднаго. Паміж намі – ўзаемаразуменне і сімпатыя. Пры тым, што я строгі кіраўнік. З дзецьмі нельга быць слабым і падатлівым – ім патрэбен лідар.

Кранаць душу

Калі спяваюць дзеці, то неяк зусім па-іншаму ўспрымаеш песнапенне. Некаторыя прыхаджане – я гэта бачу – нават стаяць і плачуць. Бо гэта шчыра, малітоўна. Большасць маленькіх яшчэ не навучылася падманваць, хаваць пачуцці. Галоўнае што? Каб песнапенне кранала душу. І дзіцячыя галасы як нельга лепш гэтаму спрыяюць.

Дапамагае і тое, што ўсе яны наведваюць васкрэсную школу. Растуць у веры, заўсёды прысутнічаюць на богаслужэннях. Але, калі б нават дзіця і было далёкае ад веры – гэта не перашкода, каб добра спяваць у хоры і гэтак сама кранаць душы. У кожнага ж сваё разуменне веры. Мы не маем права сцвярджаць, што хтосьці з нас меншы або большы вернік.

Унутраны стрыжань

Для рэгента хора не важна, дзіцячы ён ці не, важна мець унутраны стрыжань, сілу волі. Таму што цяжка. Напрыклад, я езджу сюды з горада на выхадныя. І ў мяне каля пяці рэпетыцый, богаслужэнні раніцай і ўвечары. Да таго ж ёсць вянчанні, хрышчэнні і розныя царкоўныя мерапрыемствы, дзе мусіць быць хор.

Рэдка, але бывае хочацца ўсё адмяніць, легчы і не варушыцца. І ўжо падумаеш пра сябе, што трэба ўзяць, патэлефанаваць і зняць рэпетыцыю, а дзеці апераджаюць. Тэлефануюць, пытаюць, калі збіраемся. І ты ўжо не можаш не варушыцца.

Па-за хорам і царквой

Я лічу, што хор існуе не толькі ў межах царквы. Мы заўсёды трымаем сувязь адзін з адным, ладзім нейкія мерапрыемствы, адзначаем розныя святы. Прычым, дзеці запрашаюць бацькоў. Вось літаральна ўчора святкавалі Раство. Разам з бацькамі, канешне. І трэба бачыць, якое шчасце і радасць у іх вачах! Вось гэта ўсё – самае важнае. Мне падаецца, без такіх адносін не было б двухбаковай цікаўнасці. Дзеці – гэта нашае заўтра. Яны будуць заўсёды, царква будзе заўсёды і заўсёды будзе вера.

Анастасия Арсоба

«КАЖДЫЙ ЗВУК – ПОДАРОК БОГУ»

Что есть фестиваль для Михаила Дриневского

Творчество этого титулованного маэстро прозвали музыкальным чудом, а один из ведущих в Беларуси художественных коллективов уже носит в народе его имя. В 13 он заведовал деревенским хором, и вот уже на протяжении 42 лет является художественным руководителем и дирижёром Народного хора Республики Беларусь имени Г.И. Цитовича. 62 года – не возраст, а опыт работы Михаила Павловича Дриневского, народного артиста Беларуси, лауреата множества премий, профессора, большого знатока фольклора и покровителя церковной музыки. Уже не первый год Дриневский является членом жюри международного фестиваля церковных песнопений «Коложский благовест».

Михаил Дриневский

фото Инны Ким

«Как можно отказаться от того, что имеет отношение к Богу?» – тут же согласился на интервью Михаил Павлович и назначил встречу в своём втором доме –Большом театре оперы и балета. Встретил нас у своей «мастерской» хромая – разболелась нога, но это никак не помешало ему пробежать марафон по длинным коридорам театра так, что мы едва успевали за ним угнаться. А в какой-то момент стало непонятно, кто к кому пришёл брать интервью – по пути Михаил Павлович успел узнать о нас всё и поздороваться со всеми проходящими мимо, обязательно поинтересовавшись у каждого о его делах. Этакий дедушка, который заботится здесь о каждом своём внуке. Один из них радостно бежит навстречу. «А я вас всё жду-жду! Можете на тех нотах,которые вы мне подарили, написать что-нибудь? Это обязательно войдет в историю», – просит у Михаила Павловича его запыхавшийся ученик. Смущенно улыбаясь, наставник соглашается подписать свой подарок.

Помещения, где производится музыкальное чудо, увешано наградами, костюмами, фотографиями. И переполнено людьми: кто-то наводит марафет, кто-то репетирует, перекусывает, суетливо бегает из кабинета в кабинет – в общем, творческий процесс в самом разгаре.Поднимаемся вверх по лестнице и видим огромный портрет создателя хора,Геннадия Цитовича. Возле него помещение для занятий. Тут уже в полной боеготовности к репетициям сидит за пюпитрами, перелистывая ноты, несколько участниц легендарного коллектива.Михаил Павлович показывает своё рабочее место у рояля и демонстрирует основные обязанности: начинает дирижировать, будто что-то рисует в воздухе. Казалось бы, обычные движения, но они заставляютработать,как слаженный механизм,несколько десятков человек.

Для беседы выбрали самое тихое место – кабинет Михаила Павловича. Но как бы не так. За полчаса у дверей Дриневского выстроилась очередь из 10 человек. Одни хотели что-то спросить, другие – подписать, третьи – поболтать.Вот забежала женщина с листиком, на нём цифры, как оказалось, зарплаты хора. Сумма близка к той, что пишется на ценниках одежды. «Не удивляйтесь. Зарплаты у нас нищенские», – вздыхает Михаил Павлович.

И апартаменты, выделенные им, так же скромны. В небольшом кабинете Михаила Павловича расположилисьпросторный рабочий стол, шкаф, пианино. На инструменте замечаю газету моего родного Шарковщинского района «Кліч Радзімы». Оказывается,

«Сначала все морщились, мол, это нам не подходит. Наше – это «Ой, ты грушка моя». Но мне удалось убедить коллектив в том, что наше – это всё»

уж очень нравится ему местный хор, вот и газетку решил сохранить. Многие не догадываются, где такой район находится, а Дриневский знает не только географию малых посёлков, но и имена руководителей хоров. Какой городок ему ни назови, Михаил Павлович расскажет всё о местных коллективах.

Справа от стола красуется большая икона. Становится понятно, что талант Дриневского распространяется не только на традиционный фольклор и что в жюри православного фестиваля маэстро попал не только благодаря знанию церковного песнопения, но и благодаря вере.

НЕ РАСКИДЫВАЕМСЯ ПОПУСТУ

– Любовь к православному песнопению мне привила деревенская церковь Николая Чудотворца. Но немцы в 1943 году под Рождество убили и сожгли вместе с храмом 270 душ, среди них была и моя бабуля. Долго от святыни оставались только воспоминания, а в минувшемгоду его восстановили. Я помогал родной церкви, чем мог. Поэтому отношение ко всему этому у меня особое.

С народным хором очень непросто петь церковную музыку – голосов, необходимых для мелодичного звучания, катастрофически не хватает. Низкие мужские голоса у нас в дефиците. Но я искал подходящие нам произведения, изменял их при необходимости. Сначала все морщились, мол, это нам не подходит. Наше – это «Ой, ты грушка моя». Но мне удалось убедить коллектив в том, что наше – это всё. Когда удалось добиться успеха, решили и посоревноваться на этой стезе. В 1996 году была первая успешная проба, потом выступали в Польше, и, конечно, большая заслуга – гран-при на фестивале «Коложский благовест». А больше не участвовали, потому что существует такой негласный закон: если взяли гран-при – будьте добры лет пять уступать дорогу другим. Может быть, мы ещё и поучаствуем. Решаю всё не я, а кадры. Для церковного пения мужские голоса нужны, а они у нас не задерживаются. Какой кормилец семьи захочет работать за такие копейки? А я не привык проигрывать. Если идти на конкурс, особенно такой музыки, то наверняка подготовленными и уверенными в победе. Сегодня церковная музыка – это наше хобби. Мы не раскидываемся попусту ей на концертах.

СТРЕМЛЕНИЕ К СВЯТОМУ

– Если вспомнить, каким был фестиваль, когда меня пригласили в жюри в первый раз, и сравнить с нынешним состоянием, можно увидетьпоразительную разницу. Качество очень

«Главное – не умение петь правильно голосом, а умение петь правильно душой»

выросло. Стало больше приходских, деревенских хоров, очень поднялись районные и областные коллективы. А в 2011 году фестиваль стал международным, поэтому с каждым сезоном гостей забугорных у нас становится всё больше и больше. Поставленная планка не снижается ни капли, скорее поднимается. Слабых хоров, недостойных, на фестивале сейчас нет вообще. Радует безмерно и то, что процент молодых участников с каждым годом только растет. Это значит, что молодое поколение, по крайней мере приличная часть, стремится к святому.

МОЛИТВЕННОСТЬ

– Очень умиляет в церковных коллективах, состоящих из 5-7 бабулек, особая манера, которая выигрышно отличаетих от всех профессионалов, – это молитвенность. Они не обязательнодолжны попадать в ноты, пусть присутствует некая безграмотность в музыкальном плане. Ну каких сверхъестественных диапазонов можно ожидать от пожилых женщин? Но их пение берет за душу. Можно петь чисто, стройно, но эта механически отдрессированная техника будет звучать менее достойно, чем молитвенное исполнение. Основной определитель профессионализма – это отношение к музыке. Главное – не умение петь правильно голосом, а умение петь правильно душой. Есть просто пение, а есть молитвенное исполнение, и его сила в душевности. Она прослеживается у хороших музыкантов. Ведь рыба гниёт с головы. Любая неудача коллектива – вина руководителя. Всегда видно невооруженным взглядом, стоит перед хором дирижер или попрыгунчик. Там, где руководит музыкант, будет и молитвенность, и образность, а не демонстративное размахивание руками.

ЖЮРИ

– В жюри фестиваля сидят неслучайные люди: высокопрофессиональные музыканты не только из Беларуси, но и из других стран. Это единственный в истории международный светлый фестиваль, где нет никакой политики и предвзятости. Только Слава Господу Богу. Мы стараемся где-то что-то простить, не заметить. Главное для нас – поддержать коллективы, которые движутся в правильном направлении. Ведь петь сердцем далеко не каждый может. Мы, члены жюри, такие коллективы очень любим, ценим и поддерживаем, иногда и материально. Знаете, бывает, на настроение человека влияет погода, какие-то личные дела, но для всех, кто оценивает участников фестиваля, это не характерно вовсе. Обидв адрес жюри никогда не имели.

О СМЫСЛЕ ФЕСТИВАЛЯ

Сохранение, возрождение, развитие духовных ценностей – это само собой. Православное песнопение – ещё и образование.Там, где каждый звук – это подарок Богу, воспитывается совершенно другой человек. Душа радуется, когда в зале нет ни одного свободного места, приходится ставить дополнительные стулья, ещё и куча людей останется стоять весь концерт. Я всю жизнь не могу понять, зачем человечеству нужна музыка, которая не задевает ни душу, ни сердце. Церковная музыка предназначена именно для этих тонких составляющих человека. Но не каждому дано эту музыку понять и услышать. Тот факт, что во время таких концертов зал переполнен, доказывает, что есть много людей, которые эту музыку действительно пропускают через душу. Кто-то скажет, что некая материальная выгода присутствует, ведь победитель получает приличный денежный приз. Но коллективы идут на фестиваль совсем не за этим. Могу поспорить, что не будь выигрыша, участников не стало бы меньше. Во-первых, любой коллектив стремится к престижу и признанию, а во-вторых, к тому, к чему лежит душа.

Предновогодняя суета, подготовка к праздничным концертам ждет Михаила Павловича за дверью его кабинета. Действительно, стоило ему выйти, чтобы нас проводить, как тут же лучезарного дедушку окружили его любимые «внуки». «Храни Вас Бог!» – говорит нам вслед Михаил Павлович Дриневский, человек, который уже вошёл в историю не только как талантливейший дирижер, руководитель, но и как тот, кто сумел задеть душу каждого слушателя егомузыкального чуда.

«Да исправится молитва моя...»

фоторепортаж
Александра
Пасечника

Богослужебное пение это
универсальный общечеловеческий
язык молитвы, язык бого-общения,
который способен выражать
невыразимое, конструировать
«глубинность пред-мета» в духе,
отражать первичные основы бытия.

Священник Дмитрий Болгарский

Хор часовни в честь святителя Тихана Патриарха Московского. Гродно

Готово сердце мое, Боже,
готово сердце мое, воспою и
пою во славе моей. Востани
слава моя, востани псалтирю и
гусли, востану рано.

(Пс. 107, 1-2)

Ничто не возбуждает, не окрыляет так духа, ничто так не отрешает его от земли и уз телесных, ничто так не наполняет любовью к мудрости и равнодушием к житейским делам, как пение стройное, как песнь священная, сложенная по правилам ритма

святитель Иоанн Златоуст

Злостраждет ли кто, да
молитву деет, благодуше-
ствует ли кто, да поет

(Иак. 5:13)

Хор Свято-Покровского кафедрального собора в Гродно

Значение Церковного пения в богослужении относится к разряду важнейших вопросов, подобно роли дыхания или смыслу кровеносной системы для жизни человека.

Священник Дмитрий Болгарский

Дух Божий, ведя
род человеческий
к добродетели к
Своим Божественным
учениям и молитвенным
словам приложил
сладкозвучность песни
для того, чтобы мы
воспринимали Его
откровение не одним
только умом, но и всем
существом нашим, чтобы
и жены и дети возрастом,
повторяя божественныя
слова, как повторяются
песни, обучали души
свои.

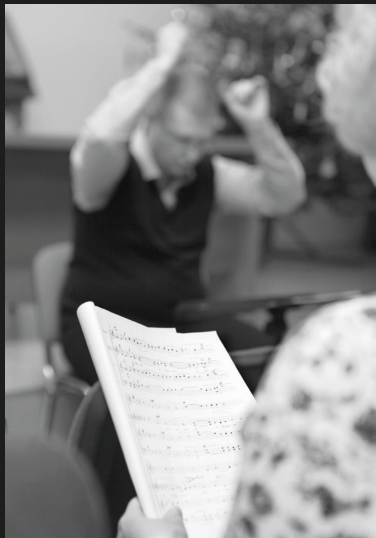
Святой
Афанасий Великий

В древности все сходились и пели вместе;
это мы делаем и ныне.

Святитель Иоанн Златоуст

Детский хор Воскресной школы храма
Святителя Николая Чудотворца
в Берестовице

Пение имеет огромное влияние на образование характера человека, на его изменение и упорядочение

монах Евфимий Зигабен

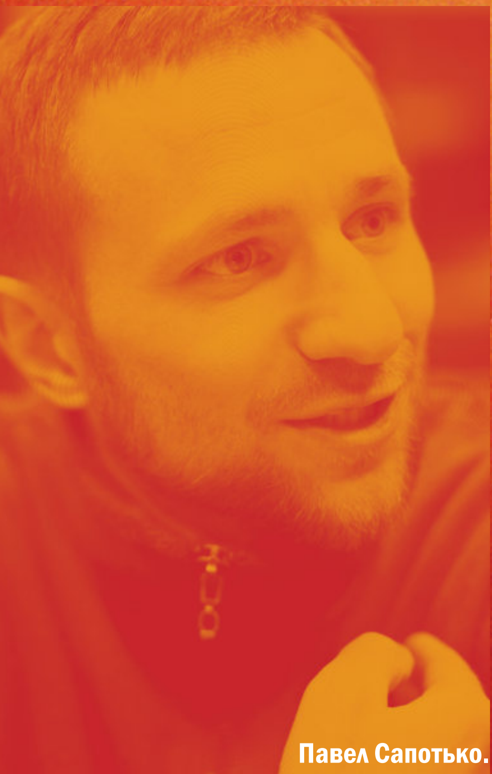

Хвалите Его во гласе трубне, хвалите Его во псалтири и гуслех.
Хвалите Его в тимпане и лице, хвалите Его во струнах и органе.
Хвалите Его в кимвалех доброгласных, хвалите Его в кимвалех восклицииния.
Всякое дыхание да хвалит Господа.

150 псалом

Павел Сапотько.
Певчий хора храма
в честь Собора
Всех Белорусских Святых
в Гродно

Первый раз я участвовал в фестивале в 2013 году. С тех пор для меня фестиваль – это в первую очередь процесс подготовки к нему. Не просто репетиции, а огромный духовный труд, способ подняться над собственной ленью.

Мне интересно было наблюдать за тем, как менялось моё отношению к нашему общему делу в течение четырёх лет. Сначала было сложно, потому что мне всегда нравились монастырские распевы, спокойные, душевные, пусть даже с некоторыми ошибками. Я понимал, что ошибки – не главное, главное – это молитвенное устроение. И вот когда я начал петь в обычном приходском хоре, почувствовал что-то ненастоящее. Мне казалось, монастырские песнопения к тому времени полностью сформировали мой музыкальный вкус, и он вполне неплох. Пение в обычном хоре будто создавало пропасть между мной и духовностью.

Вскоре я понял, что моё ощущение было обманчивым. Почувствовал красоту и благодатность в пении. Даже пытался найти в Интернете песнопения, которые мы исполняли на Литургии или всенощной, но понял, что к тому ощущению благодатной радости, которое ты испытал в храме и на репетициях, ты не вернёшься.Помню, как-то пели мы «Приидите, поклонимся» Свиридова, после чего хотелось действительно прийти и поклониться.

Может быть, поначалу у многих людей нет сильного желания участвовать в фестивале, но если ты принимаешь то, что это послужит людям, это приблизит их к Богу, что возникнет чувство благодарности Творцу, тогда можно говорить о том, что фестиваль состоялся. За тем, что «надо», следуют два утешения: покаянная и восторженная радость от участия, а также спокойствие и смирение.

Ежегодный фестиваль нашей епархии – это торжество веры. Это значит, что люди нуждаются в фестивале. Как говорит наш владыка Артемий, фестиваль – это богослужение после богослужения – соединение со Творцом сердцем в радости, в благодарности. Когда участвуешь в фестивале, чувствуешь это соединение.

С годами начинаешь чувствовать музыку иначе. Когда слышишь поющего непрофессионала, понимаешь,что у него пение совершенствуется не с точки зрения техники, а с точки зрения того, что ему стало легко петь «единым сердцем и едиными усты». Ощущаешь, как певческая вершина, которая раньше покорялась с трудом, теперь достигается намного быстрее.

Священник Евгений Павельчук

Елена Бабич

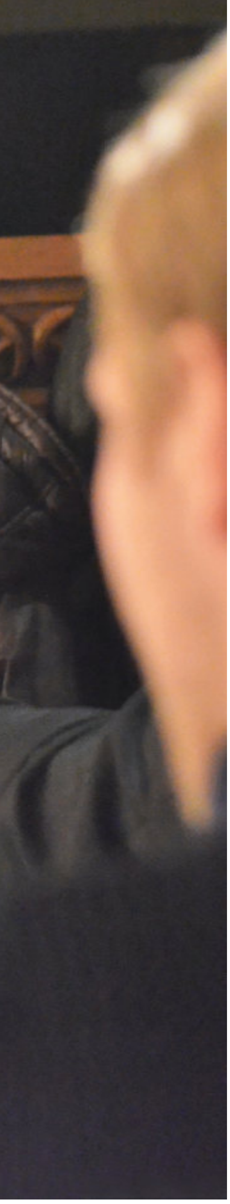

фото Геннадия Карагодина

ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ БОГА

Как отец Дмитрий Болгарский учит певчих молиться

Хороший певчий – тот, который молится. Все интервью всех регентов на свете можно было бы уместить в этой короткой фразе, произнести её на каком-нибудь съезде регентов и надеяться на то, что теперь уж точно у каждого певчего за спиной соткутся крылья и ангельские голоса наполнят Вселенную. Когда-нибудь, возможно, это произойдёт, только вот как сделать так, чтобы певчие молились? «Нужно выстроить правильную духовную вертикаль» – так регент хора Ионинского монастыря в Киеве, священник Дмитрий Болгарский, всегда начинает отвечать на вопрос «Как научиться петь?». На вопрос «Как научиться молиться?» ответ примерно такой же. В этом репортаже мы пробуем понять, почему.

ЗАЧЕМ ОТЕЦ ДМИТРИЙ ПРОГОНЯЕТ ПЕВЧИХ

В Киеве снег. Такой, который падает на чёрную землю второй или третий раз за зиму. Крупные слипшиеся хлопья медленно и неуклюже покачиваются, их становится всё больше. На улице +1, но снег неуёмен – «белые» побеждают. В храме Свято-Троицкого Ионинского монастыря начинается поздняя Литургия. У входа все топают, крестятся, потом забегают внутрь и превращаются во внимание. Клирос – в левом пределе, отделён невысокой тонкой перегородкой, над которой иногда взлетают белые кисти регента. Эти самые кисти уже 25 лет управляют хором монастыря, их обладатель – священник, музыкант, преподаватель отец Дмитрий Болгарский дирижирует, обменивается с певчими взглядами и знаками, только им известными и понятными.

– Махать руками может каждый. Вот у полицейского же есть палка, ему скажи: «Маши вот так – три четверти – раз-два-три! И когда хор закончит петь, ты остановись просто и всё». И получится у него. Но дело регента не в том, чтобы только «промахать» произведение, он должен настроить хор, чтобы привести его к кульминации и смысл открыть через пение. Отец Дмитрий своё состояние передаёт нам – это главное, – певчий Валерий Лизавенко после Литургии остаётся со мной на клиросе, чтобы поговорить.

Другие тоже пытаются остаться, но у них не получается – зовут петь на молебне и ещё где-то. Певчие появляются и снова тают в пространстве. С переменным успехом удаётся слышать от заскочивших на минуту: «Я пою и в других храмах, но с отцом Дмитрием это совершенно другая ступень. Это возвышенно»; «Это нельзя объяснить. Просто надо постоять и почувствовать, потому что некоторые по четыре года поют, но никак не могут к этому состоянию прийти»; «Когда ты на него смотришь во время работы, то ощущаешь, как он всё через себя пропускает, как издаёт звук, и сам стараешься молиться».

Большинство певчих знакомы друг с другом со студенческих времён, учились у отца Дмитрия или когда-то просто пришли в монастырь и остались петь. Теперь желающих присоединиться к «семье» предостаточно, только далеко не все просители остаются – происходит что-то вроде естественного духовного отбора.

– Певчих Бог приводит, а я уже их только прогоняю, – отец Дмитрий рассказывает и переобувается – меняет обувь после выхода из алтаря, задвигает «алтарную» пару под кафедру. – Был один бас-октавист, приходит, говорит: «Я валютный певец. Давайте мне двойную зарплату». Нет, говорю, уважаемый, раз валютный, нам не подходит. А потом приходит другой – тоже бас, и говорит: «Хочу у вас петь». Я ему: «Простите, мне и платить вам нечем, к тому же у меня «полна коробочка». – «Да я буду петь бесплатно». Опа! Соглашаюсь. Он поёт первый раз бесплатно, я испытываю его – ничего не плачу, он приходит второй раз, я, конечно, уже плачу. И он наш певец, я его ценю, потому что он божий человек. Человек должен быть испытан в любой ситуации. В мире очень много «гнилых» людей, но мои поют не за деньги. Когда приходят идейные ребята, у меня в руках бесценный дар.

Если вы связаны с искусством, вас будут бесконечно предавать. Из-за подработок, других выступлений. Я с ним договорюсь, а он скажет: «У меня концерт. А что делать? Надо работать, надо как-то выживать!» В таких случаях мои певчие сами ищут себе замену. Я этого не делаю. Потому что не годится, чтобы регент постоянно был в стрессе. Но я их всё же должен будить, стимулировать на это дело.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ЗА ОБЕДОМ

Есть такой рассказ из афонского патерика.

Один подвижник занимался молитвой Иисусовой. Однажды он захотел научиться петь и начал искать учителя. Только не мог найти, потому что у подвижника этого не было ни слуха, ни голоса. И вот появился один старец, который сказал: «Я научу тебя, сделаю великим певцом и прославлю на весь мир. Но у меня к тебе одна просьба – убери то, что у тебя в руках». В руках у подвижника были чётки. Так монах понял, что это искушение – к нему пришёл враг рода человеческого.

Отец Дмитрий впервые услышал эту историю в трапезной монастыря за обедом. Потом есть как-то уже не хотелось, хотелось думать.

– Часто люди занимаются внешними вещами и, забывая про молитву, теряют всё. Здесь молитва – это искусство. А искусство имеет чёткую методику. Вот пение: мы начинаем выстраивать вертикаль – правильно дышать, работать над свободной гортанью, над преодолением внутренних зажатостей, звукообразованием. Когда мы учимся этим вещам, мы приходим не только к хорошему пению, но и к правильному духовному состоянию. Так вот, искусство становится мощным стимулом к духовному развитию человека, если у певца всё под контролем.

– А если не всё? – спрашиваю. – Бывает же, например, излишняя эмоциональность. Многие считают, что церковное пение должно быть чуть ли не «плоским», опасаются, как бы чего не вышло. Не увлекаться чувствами – одно из певческих кредо.

– Вот вы сегодня могли послушать нашу правду – то, как мы пели. Мы же поём с нормальной такой экспрессией…

– Более чем!

– Да мы валим, понимаете! И я считаю, что это правильно. Почему? Потому что пение должно быть живым. Человек живой. Вот есть такой принцип: муж пришёл с работы и ему хочется, чтобы жена не умничала, а обняла его. То же самое и с Богом – не надо умничать, обними Бога и дай ему тепло своего сердца. В интеллектуализм уходить да, можно, но ты годами будешь стучать не в те двери, и в результате так и не узнаешь Господа.

Действительно, молитва связана с законом внутренней тишины. Запрет на мечтания, на образы, на движение мысли – чтобы услышать Бога, надо замолчать. Очень важна эта ментальная (мысленная) статика в сочетании с сердечной динамикой.

Вот здесь работа, – отец Дмитрий кладёт руку на грудь. – А здесь тишина, – а теперь на голову.

А у нас наоборот: человек начинает думать, всё усложнять, а в груди – тишина. Надо «работать Господеви со страхом» – внутренне трудится. Только после окончания вуза я начал понимать, что нужно выйти из мёртвой внутренней точки и начать духовно работать Господу. Сейчас стараюсь донести это до своих студентов. Потому что, как правило, люди находятся в тяжелейшем духовном параличе. И годы пройдут, пока постепенно на клиросе они начнут оттаивать.

Всенощное Бдение

Не вижу здесь никаких опасностей. Каждая проблема формообразования в музыке всегда строится на принципе контраста. Что мы выразим, если будем петь плоско? Ведь человек должен здесь воцерковиться, «просолиться» светом, который ему предлагается.

Вообще, если пение не будет молитвой, оно будет искушением. Без гордости никак. У любого музыканта очень сильно развито своё «я». По себе знаю. То, что я остаюсь регентом, это только благодаря монастырю. Приход так не смиряет.

У меня была в жизни ситуация с моим уставщиком. Он очень специфический человек, отец Спиридон, и я его люблю. Он нас жёстко смиряет. Сразу после консерватории я начал преподавать, и отец Спиридон смирил меня при студентах, а я огрызнулся. Понимаете, с точки зрения музыкантской я абсолютно прав, а он не прав, а с точки зрения духовной он прав, а я не прав. Вот дилемма… Я видел очень много музыкантов, которые уходили со своей правотой и неизвестно, куда они пропали. Он меня оскорбил при моих студентах, я долго с этим ходил, но в следующий раз я пришёл, положил ему земной поклон при студентах, преодолев себя. Если бы я этого не сделал, меня бы не было в монастыре, поверьте. Какая у тебя может быть правда, когда Христа распяли? Ты пришёл, это твоё служение, твой путь духовного преображения. Здесь надо сочетать профессионализм с молитвой. Причём молитвой профессиональной.

ВЫПУСТИТЬ ОРЛА ИЗ КЛЕТКИ

Национальный Педагогический Университет имени М.П. Драгоманова. Здесь у отца Дмитрия Болгарского есть ещё один хор. У хора есть специальный актовый зал с иконами. В зале идёт спевка. Священник управляет, отстукивает ритм, настраивает, объясняет. Поют «Не имамы иныя помощи». Это репетиция предстоящего выступления в тюрьме.

– …Да-не-по-сты-дим-ся, – заканчивает хор.

– Теперь смотрите, – говорит отец Дмитрий. – Мы будем работать сочень тяжёлой аудиторией.

протоиерей Дмитрий Болгарский

Это испытание. Я хочу, чтобы у нас здесь были люди из музыкального спецназа. Нужно дать энергетику. Мы должны чувствовать слово на внутреннем стержне и включить аудиторию. У них, у этих ребят, максимально обострённое чувство правды. Слышите? Максимально обострённое чувство правды!

У отца Дмитрия есть эталон искренности в музыке – это народное пение. Никто не думает про микстовое звучание или двойное прикрытие – всё идёт от сердца. И в церкви, он считает, должно быть так. Тогда и голосовой аппарат работает без сбоев.

– Я начинаю распевать студентов на тропарях, – священник рассказывает мне о своём методе. – Мы начинаем с самого сложного песнопения – Царю небесный», глас 6, а затем сразу «Спаси Господи люди Твоя», «Не имамы иныя помощи», «Правило веры и образ кротости» и так далее. Таким образом, слово начинает «разогревать» человека. Добиваюсь от них состояния через ритмику и кантилен-

Спевка в НПУ им. Драгоманова

ность. В церковном песнопении ритмика – это выражение пасхальной радости, а кантиленность – это Страстная седмица – покаянная печаль, а также выражение любви и смирения. Мы работаем, казалось бы, над техникой, но одновременно начинаем чувствовать. Тебя словно начинает внутренне выравнивать, ты поднимаешь в себе образ Божий, становишься в духовную позицию.

Вот из такого состояния, – батюшка сгорбился, сжался, «уснул», – мы переходим к такому! – выпрямился с улыбкой, распахнул руки, «взлетел».

Репетиция продолжилась. Хор спел «Трисвятое».

– Дорогие мои, по звуку у меня к вам претензий нет вообще – аж страшно. Но здесь очень мощная внутренняя прокачка должна идти: Помилуй нас, Свя-тый Бессмертный, поми-и-луй нас,– ритмично произносит. – Появляются элементы раздельной речи. Откуда они? Если ты начинаешь молиться, ты сердцем начинаешь отрабатывать каждое слово.

Поёт сам: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас».

– Импульс должен передаться слушателям. Если ты делаешь это вот так, – протягивает распахнутые руки к хору,– получается нечто убедительное. Что делает орёл, когда его выпускают из клетки? Он первым делом расправляет крылья – вы тоже сделайте это!

Когда смотришь на то, как отец Дмитрий работает с хором и над собой, в мысли пробирается одна аналогия: машину, которая не заводится с помощью ключа, можно сначала просто подтолкнуть сзади. И она, очень может быть, заведётся. Об этом же говорили святые, когда в самых сложных ситуациях советовали благодарить Бога, молясь словами «Слава Тебе, Господи!», об этом же продолжают говорить психологи, когда утверждают, что даже простая улыбка заставляет наш мозг посмотреть на ситуацию по-другому. Как только мы сделаем всё, чтобы наши действия повлияли на наши мысли, наши мысли начнут влиять на наши действия – такой парадокс.

– Мы являемся для наших певчих образом,– говорит отец Дмитрий вдохновенно. – Через глаза зажигайте их, открывайтесь! Ведь надо же пламенеть – гореть и не сгорать, как неопалимая купина. Современная жизнь нас в кокон зажимает, стрессирует. Но через искусство может произойти преображение. Вот так.

Снова «взлетает».

– Ты к миру идёшь с открытым сердцем. И с этим же состоянием надо молиться и делать поклоны. Надо быть открытым и не бояться. Потому что если это вы делаете так, вам в душу не наплюют.

ФОРМА ЗВУКА

Только что спели «Единородный Сыне». Отец Дмитрий объясняет, зачем.

– В нашем концерте слушатель должен пережить опыт касания иной реальности. Касания! На «Единородный Сыне» мы перешли в реальность Нового Завета. В 142-м псалме читается: «Помянух дни древния, поучихся во всех делех Твоих». В этой фразе смысл своего богослужения – вспомнить и поучаться. Вы должны показать этот переход.

Область интересов отца Дмитрий Болгарского – древние распевы и мистериальная драматургия. Если первое, в общем-то, – область интересов большинства певчих и регентов, то второе для этого же большинства скорее одна большая загадка, к которой страшно подступиться. Отцу Дмитрию, кажется, не страшно. Более того, сделать так, чтобы богослужение воспринималось целостно, а не по кусочкам – это условие правильного пения, а значит и условие правильной молитвы. Дальше говорим много о самом сложном и таинственном.

– В живописи слово воплощается в картине. Здесь же слово облекается в интонационное тело звуковой формы, – рассказывает отец Дмитрий.

– Мистериальная драматургия – это созидание нами богослужебной формы. Всё искусство существует благодаря боговоплощению. Потому что Господь стал человеком и тем самым показал нам возможность воплощать иную реальность в теле звуковой или другой формы и возвышать её.

– Вам нравится слово«драматургия» в применении к богослужению?

– Это правильное слово, потому что мы рассматриваем нашу Литургию как драму спасения. Вся наша жизнь связана с тайной, явленной в Сыне Божием. И мир существует с той целью, чтобы мы открывали эту тайну. Для этого нам дано откровение и богослужение. Музыка – это ключ к познанию тайны. Клиросный певчий должен идти путём этого познания – путём духовной школы. Этот путь таков: от ноты к целостности фразы. От фразы к целостности образа. В результате мы можем воспринимать форму целиком. С музыкой понятно, но в чём состоит богослужебная форма? Попробую объяснить это на примере средневеко-

вого искусства. Оно строится по так называемому кентонному принципу. «Kenton» переводится с греческого как «лоскут». Подобно тому, как мозаичный образ складывается из отдельных кусочков смальты, подобно тому, как икона складывается из отдельных клейм, так и богослужение состоит из отдельных смысловых модулей – эпизодов, которые содержат духовный смысл.

Мы знаем, что вечерня посвящена тематике Ветхого Завета, утреня – Нового. Так мы от Закона идём к Благодати, постепенно приближаемся к тайне новозаветной реальности. Ветхий Завет – это медленное движение ко Христу через созерцание пророчеств, откровений. Это педагогика. Сначала 103-й псалом, который отражает творение мира, потом Великая ектения, которая выстраивает нашу иерархию ценностей: учит тому, о чём надо молиться, как надо молиться, приводит всё к «единому на потребу» и определяет приоритеты жизни.

Это очень важно, потому что в современном мире всё смешано. Получается, человек живёт в неведении. Трагедия современной Украины в том, что люди забыли об этих приоритетах, произошла подмена ценностей. А когда человек теряет духовные скрепы, с ним можно делать всё что угодно. Религия – это тот цемент, который укрепляет общество.

У меня есть такое кредо: я занимаюсь неким ментальным программированием богослужения. Здесь мы создаём ту духовную матрицу, которая потом работает в жизни. Я своим студентам и певчим говорю: ребята, вы не просто пришли сюда петь, вы пришли сюда молиться и решать важнейшие, сложнейшие вопросы и задачи жизни.

В каждом богослужебном кусочке есть что-то исключительно важное. Именно поэтому мы работаем над поиском состояния в молитве. Ведь конечная цель – это волевое состояние – то, как ты переживаешь тот или иной фрагмент. Например, если это первый антифон первой кафизмы, где поднимается важнейшая тема двух путей – пути жизни и пути смерти, то мы утверждаемся в правом пути и приходим к радости. Если это встреча со Христом как в тропаре «Свете Тихий», где мы обращаемся к древнему, чтобы подтвердить настоящее, то это переход состояния в некую целостность, в трезвенность, во внутреннюю собранность – приобретение правильного духовного тонуса. Это сложно, потому что мир человека совершенно расслабляет.

СПРАВКА «ПОКОЛЕНИЯ»

Протоиерей Димитрий Болгарский.

Регент хора Свято-Троицкого Ионинского монастыря в Киеве.

Кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств Украины, доцент НПУ им. М.П. Драгоманова, преподаватель КДС.

Хор поёт Первый изобразительный антифон. Отец Дмитрий встречает и обнимает опоздавших. Девушку-альт «торжественно» провожает к её месту, подпевая хору.

– ...Благословен еси Гос-по-ди.

– Найдите состояние. Делаем так… – просит певчих вдохнуть, выпрямиться и развести руки.– Радуемся! Это в сердце делать! Пойте сознательно, без испуга. Мы занимаемся тайной метафизики духовной. Вот здесь, – ладонью указывает на сердце, – зажигается искра. Ты в рамках своего сердца устанавливаешь пространство, где происходит момент встречи человека с Богом. Создал условия – держи, раздувай эту искру. Надо перестать говорить о Христе и начать жить Христом. Кто-то скажет: для меня Христос – это слишком высоко, у меня Бах будет в сердце – не наказуемо. Уже есть некая нить, которая даст тебе возможность состояться и удержаться на плаву.

– Благослови, душе моя, Господа…

ГРАНИЦА МЕЖДУ МНОЙ И БОГОМ

Хор поёт «Приидите поклонимся».

– Надо спеть так, чтобы было понятно, что мы не только придём, а даже приползём!

– Спа-си ны, Сыне Бо-о-о-жий…

– Смотрите. Что здесь происходит? Здесь манифестация нашей веры, поэтому есть момент скандирования «Спаси ны, Сыне Божий» – это истовое, дерзновенноепение, когда граница между мной и Богом стирается. Надійка запитала: «Чому Богу ми кажемо Ти?», тому що, вона з Волині, а там кажуть «мамо»та й на «ви».А мы Богу и наТы – потому что Бог даёт нам дар дерзновения, усыновления – возможность называть Его своим Отцом. И это дерзновение надо показывать. Поём!

– Спа-си ны, Сыне Бо-о-о-жий…

– У меня же очень сложный путь, я считаю себя инвалидом клироса. Сначала я хорошо шёл, потом на клиросе я загнал себя. Читал, пел по три всенощных подряд, дошёл до полного истощения. Потом зажался, «низ» ушёл, «верх» пропал, и самая большая беда в том, что мне надо было учить людей, а я сам перестал понимать природу пения. Это период, когда Господь показывал, что нужно смирение. Тогда ты становишься на колени и говоришь: «Матерь Божья, Ты Роману Сладкопевцу дала свиток, помоги и мне». И Тебе это даётся. Господь может дать просто так, но надо помолиться, чтобы убедить Его.

«Знаю, что у меня нету вот той верности, которая есть у достойных… Люди годами угождают Господу и не обязательно что-то получают… А дай просто так». Господь, наверно, подумал: «Ну ты наглый!» И дал. Потом забрал, как обычно делает, но ты успел увидеть это небо на земле. Вот ты сидишь, и вдруг твоё сердце делает так –

фиииииу! – смотрит на левую грудь, потом резко вверх как будто сердце туда улетело. – И оно там! Ты предстоишь в сердце Богу. Как такое может быть? Оно пронизало космические пространства – немыслимые вещи, тайна. Ты можешь совершать Литургию в сердце своём. Потом это забирается – «теперь иди». Но тебе показали. Просто мы берём очень низкую планочку, но надо помнить, что жизнь у тебя начнётся тогда, когда ты разовьёшь душу и начнёшь прыгать вот

на тот небесный уровень. Сознание надо расширять, выходить в объём, мыслить, не бояться двигаться. Это путь, который невозможно пройти без молитвы.

– Певчий скажет: ой, я такое не потяну.

– Надо начать заниматься с ним вокалом и давать примеры: если это верующий человек, дать ему основные молитвы: «Царю Небесный», «Достойна есть», «Взбранной Воеводе» и т.д. И показать, как их петь через ритмику. В древних распевах в понятии ритма совершенно иные акценты. Ему надо такой дар показать и сказать: пусть этот текст будет «мантрой». И каждое утро он будет не бормотать молитвы, а настраивать себя на состояние этого ритма, внутренней подтянутости, собранности, трезвенности, простоты, свободы ума и сердечной динамики. Потом сказать: «Понял? – Ищи». Если он вкусит этой сладости, то уже никуда не денется. Наша задача – человека подвести к этим вещам, а он пускай идёт дальше.

Эту тайну надо открывать через молчание, через вслушивание, созерцание, поиск безмолвный. Надо пережить покаяние. В жизни бывают такие моменты, когда вдруг ты понимаешь, что если ты сейчас умрёшь, то попадёшь в глубины ада. Хотя ты вроде не блудишь, никого не убиваешь…Эти моменты изменения сознания – важнейшие, поскольку становится ясно, что пока жив, ты можешь измениться. Пение в этом случае – язык богообщения, мы как бы перестаём хамить. Пение – это этикет. Потому что ты начинаешь аккуратно обращаться со звуком, а значит, выстраиваешь храм тела. Исполняешь закон и получаешь благодать. И тогда, когда мы её получаем, мы благодарны.

Тогда нам даётся полнота бытия – радость откусить яблоко, выпить стакан воды, пройтись и увидеть красоту заката. Люди не замечают, а это всё бесконечный гимн. Тема красоты звучит в богослужении: 103-й псалом, 90-й псалом, «Всякое дыхание». Когда мы видим эту красоту, мы учимся быть благодарными.

– Мы можем делать что-то бескорыстно, «гореть и не сгорать» как раз по благодарности, наверно.

– Я по себе помню. У меня был друг иеромонах, сейчас владыка. Он мне что-то подарил, мелочь

какую-то, и я был очень ему благодарен. Пришёл домой, земной поклон положил в его сторону. И вдруг подумал: «О! Хорошо». А другой человек этого ничего не делает. Надо детей учить благодарить и удивляться. Сейчас же никто никому не благодарен, никто ничему не удивляется…

«З діда-прадіда православні
Невелика числом наша рать…»

– Устали… Устали. Как римские воины перестраивались в «свинью», так же тут и вы должны: «Вста-вай всяк чест-ний муж боронити Святу Русь!» Не шлёпать губами, а передать драматизм. Вот, дорогие мои. Значит… садитесь, пожалуйста.

В университете заканчивается спевка. Отец Дмитрий снова вспоминает о тюрьме.

– Мы должны служить Литургию и говорить этим о самом главном – о внутренней свободе. Там люди несвободны, у них этот вопрос очень остро стоит. Мы должны быть на высоте, потому что каждый концерт – это экзамен. Вы как певцы должны давать энергетику, для этого нужно сразу хватать состояние. От нас никто не ждёт, что мы придём и будем расслабленно шевелить губами. Они ждут, что мы придём и ярко поделимся с ними опытом встречи с живым Христом. Благословенность и одновременно крест искусства в том, что мы за это часто ничего не получаем, но мы получаем от Бога. Я хочу, чтобы мы вышли из тюрьмы и потом ощутили радость. Мне многие говорили: что тебе больше всех надо? А я могу вам сказать из своего опыта, что потом ты получаешь от Бога в плане внутренних вещей такую компенсацию, какую ты не получишь ни за какие деньги.

Валерий Лизавенко

на клиросе

ОТЕЦ, С КОТОРЫМ ХОРОШО

В еврейском языке есть слово merahafet – нестись. Первый раз оно встречается в самом начале книги Бития, когда «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою». «Носился» в данном случае значит заботился, оберегал, как птица оберегает своих птенцов, распростирая над ними крылья. Если бы я писала этот репортаж на еврейском, то в последней части наверняка часто встречалось бы это слово.

– Бывает, батюшки говорят: «Дайте регента!» Регент – это как жена, её нельзя дать. Её надо найти, приручить, а она уже родит и воспитает своих детей, – говорим с отцом Дмитрием о том, каково быть регентом. – Если нет батюшки, который будет духовником для хора, нужно чтобы эту функцию брал на себя регент. Здесь всегда работает принцип соединения подобного с подобным. Молится регент, молятся певчие – молится весь храм. Вы их настраиваете, вы являетесь для них иконой. Надо вообще с личным составом работать. Вести постоянную «политинформацию». В советское время политрука враги убивали первым, потому что знали, что всё строится на идеологии.

Певчие отца Дмитрия и он сам часто говорят про то, что они единомышленники, про хоровую семью, про то, что их объединяют вера и любовь. Видимо, так оно и есть, но благодаря чему или кому всё это появляется?

– Отец Дмитрий всех объединяет,– уверен певчий Валерий Лизавенко – последний оставшийся со мной до победы герой репортажа. – Бывало, ребят хотели переманить в другие коллективы и предлагали деньги, но певчие отказывались, потому что есть отец Дмитрий, с которым хорошо.

– Это благодарность?

– Не только, ещё и отношение. Отец Дмитрий действительно как отец. Если он организовывает какой-то концерт, ты знаешь, что не будешь предоставлен сам себе. Ты не будешь ходить мёрзнуть, например. Всегда он позаботится, чтобы была какая-то комната. Он обо всём думает. Такой вот надёжный. Его жене очень повезло.

– Если бы не отец Дмитрий, вы были бы семьёй?

– Сложно сказать. Мне кажется, нет. Он держит коллектив, устанавливает дисциплину. Иногда бывает жёстким и бескомпромиссным. Говоришь: «Мне надо сбежать», а он: «Давай, всё. Не толкуй, надо быть и без разговоров». Он умеет организовать хор, хотя никогда не наказывает. Просто он такой человек – со стержнем.

Когда отец Дмитрий Болгарский стал священником, завёл себе блокнот, в котором появилось несколько страниц для каждого певчего. Дал этот блокнот хористам и попросил записать туда всех, за кого они молятся. Живых и усопших. С тех пор на каждой Литургии батюшка молится за них тоже.

– Чем можно измерить любовь? – Валерий совсем не риторически задаёт вопрос самому себе и отвечает. – Вот этим. Он жертвует своим временем, раньше приходит на службу, молится. Или своё отдаст. Бывали концерты, на которых он за личные деньги организовывал видео и фотосъёмку. Ещё каких-то ребят просил прийти попеть, благодарил тоже из своего кармана. Может, в ущерб даже своей семье, но…Ты знаешь, что ты придёшь, и это не останется забытым.

Наверно, потому хор тут и держится, ведь таких священников и таких людей очень мало, которые за своих «порвут». Он, как волк, пробивает дорогу первым, всё всегда на себя берёт. Если есть какие-то промахи в хоре, он первый получает за это выговоры, может, даже насмешки иногда. А потом выходит из алтаря, улыбается, и всё – пошли дальше.

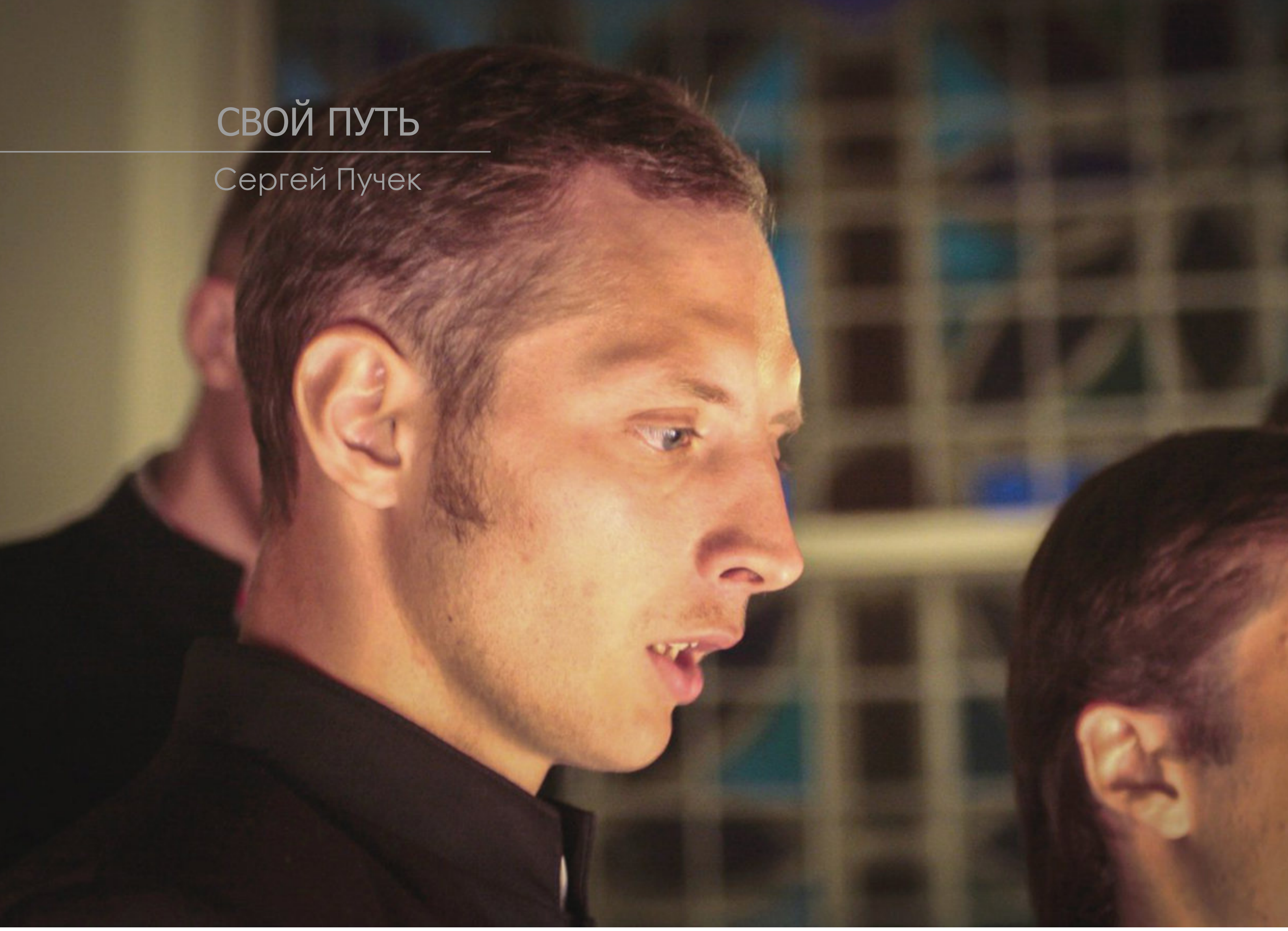
Он искренний человек просто. Искренний и заботливый. Всё.

Хор монастыря

СВОЙ ПУТЬ

МУЗЫКА РЯДОМ

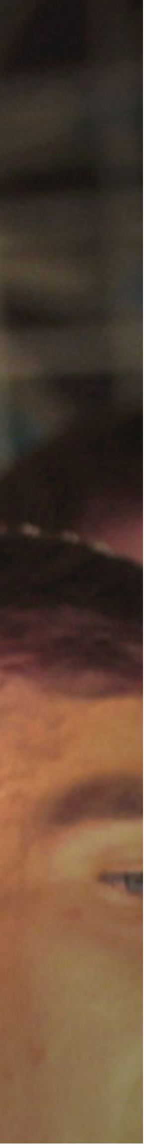
Как Сергей Пучек искал чистое искусство и что он нашёл

В младенчестве у меня был пронзительный голос, я много «разговаривал», а иначе говоря – плакал. Бабушка не раз замечала о моих руладах: «Какой голосистый – будет батюшкой!»

Сергей Пучек

Любовь к музыке и вокальные данные отчасти передались мне по наследству. Моя бабушка София родилась на Полесье, а народ там поющий. У неё тоже был хороший звонкий голос. Когда мы с братом оставались летомв деревне, я часто слышал, как она поёт. У отца в детстве был замечательный дискант. Однажды его даже хотели забрать на обучение в столицу, но родители не отпустили. Отец очень музыкален. У него хороший слух, папа сразу слышит фальшь.

Моя же история началась в третьем классе гимназии, когданужно было выбирать специализацию обучения: изобразительное искусство, танцы или музыка. Решение не заставило себя долго ждать. Я с воодушевлением взял в руки баян, занимался сольфеджио, музыкальной литературой, ходил на хор.

Но занятия «из-под палки», когда приходилось скрупулезно оттачивать элементы игры на баяне, повторять хоровые партии, вскоре наскучили. Не раз учительница музыки ловила меня в фойе гимназии и насильно приводила в класс заниматься. Я мечтал быстрее оказаться в восьмом классе, поскольку знал, что тогда занятия станут необязательными и можно будет бросить эту надоевшую музыку. И я дождался. И бросил, хотя преподаватель была мною довольна и говорила родителям, что их дитя подаёт надежды. Какое-то время по её настоянию я играл в детском ансамбле (мы даже где-то выступали). Все четыре последующих года я даже не слушал музыку, не говоря уже о том, чтобы ей заниматься.

Но на выпускном я услышал дико популярную в то время песню группы The Offspring. Затем узнал ещё парочку композиций. Их мотивы стали постоянно крутиться в моей голове. А тут ещё мой лучший друг приобрёл кассету лучших хитов группы – у меня появился единомышленник. Долгое время я слушал только The Offspring, потом захотелось чего-то новенького. На первом курсе университета я стал близко общаться с двумя ребятами из Лиды. Они были настоящими меломанами. Их фонотека содержала огромное количество кассет и дисков. Друзья не только расширили мой музыкальный кругозор, но и приобщили к тяжелой музыке (по моему желанию, конечно). Не знаю, как объяснить мою любовь к такой музыке на тот момент. Наверное, всё же моя душа была созвучна с ней.

Я много общался с моими новыми знакомыми. Вместе мы иногда ходили на нечастые концерты в нашем городе. Я всё чаще доставал свой запыленный баян, пытался подбирать мелодии, которые постоянно крутились в голове. Да и мой лучший друг тогда осваивал гитару. Мы проводили много времени вместе, музицируя, очень много пели на два голоса. За этими занятиями проходили дни.

Так получилось, что в начале 2003 года друг пригласил меня в состав католического хора. Он – католик, и уже несколько лет там пел. Я согласился с радостью, потому что не петь я не мог. Так начиналась моя хоровая эпопея, которая продолжается до сегодняшнего дня. Параллельно с католическим хором мне посчастливилось петь в хоре «Дойлідства», в котором мы исполняли православные песнопения Рахманинова, Архангельского, Бортнянского и других знаменитых композиторов. Этот коллектив заставил меня по-иному взглянуть на культуру пения, показал,каким должно быть исполнение хоровой музыки. Затем был сессионный «Польский хор мира», Волковысский коллектив «Кантелена», с которым я выступал на фестивале в Кошалине. Можно сказать, в то время я просто растворился в музыке. Мне хотелось пробовать себя везде и во всём. Поэтому, когда певчий Владимирского храма Павел пригласил меня к ним в хор, я не раздумывал и с радостью согласился. Это был апрель 2008 года. Приглашение оказалось для меня знаковым во всех отношениях. Самым главным, конечно, было то, что я пришёл в храм и начал участвовать в богослужениях, хотя сознательное моё воцерковление тогда ещё не произошло. Фестивали, спевки, репетиции, слёты, участие в приходском театре «батлейка» – всё это высвободило огромное количество творческой энергии.

В июне того же года я стал петь в группе, исполняющей тяжелую музыку, чистым вокалом. Всё и везде мне казалось вектором приложения моих творческих сил. Поэтому пение в тяжелой группе я тоже воспринял как творчество, «чистое искусство». Правда, с группой мы практически не встречались, была всего парочкарепетиций за несколько лет. Каждый из музыкантов продумывал свои партии дома. Когда приходилось встречаться, мы делились наработками и сразу разбегались. В основном же общались и

решали музыкальные вопросы в Интернете. Всё это время я прямо на крыльях летал! Подумать только – я пою в группе! Музыка, творчество в то время были моей жизнью.

В 2012 году меня приняли в экспериментальный театр-студию «Бочонок». Там мы занимались актёрским мастерством, сценической речью, пластикой, играли в спектаклях. Музыка и здесь не оставила меня. Мою музыкальность заметил режиссёр, и он использовал её в постановках. В одной из ролей был задействован мой вокал. Мы записали фонограмму, и я пел на сцене. Также работали над постановкой большого праздничного театрально-музыкального концерта со сценически оформленными вокальными номерами, где у меня должно было быть 4 номера, но концерт так и не был поставлен.

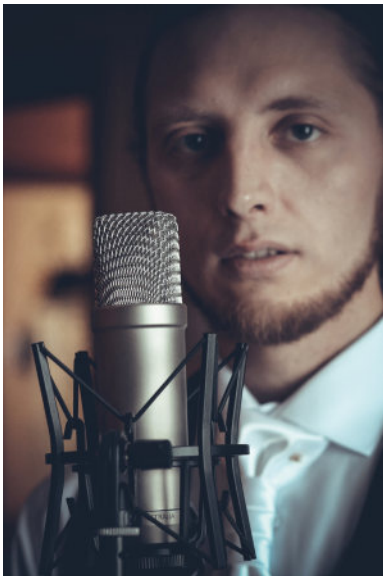

фото из архива автора

Словом, музыка постоянно сопровождала меня на жизненном пути, но, несмотря на это, её всё равно не хватало. Дома я полюбил напевать мотивы известных песен на диктофон. Минус включал через колонки и пробовал под него петь. Так я записал несколько десятков добротных по домашним меркам треков, которыми потом делился с друзьями. Чуть позже я полюбил начитывать на диктофон аудиокниги. В голове родилась идея сделать вариант прочтения «Преступления и наказания». Были замыслы, как это осуществить, но в процессе работы я понял, что для достижения приемлемого результата у меня не хватит опыта и технической базы. Я всерьёз загорелся создать домашнюю студию звукозаписи. Хотелось записывать вокал и аудиокниги на более высоком уровне. Начал с приобретения хорошего студийного микрофона. Затем у меня появилась неплохая внешняя звуковая карта. Как жаль, что довести задуманное до конца так и не удалось.

В 2013-м у меня обнаружились проблемы со связками. На некоторое время мне нужно было перестал петь в храме. Конечно, это обстоятельство сильно подорвало моё душевное состояние. Музыки стало меньше, и с этим ничего нельзя было поделать. Но хуже всего то, что, перестав петь в хоре, я перестал посещать богослужения, и театр стал занимать практически всё свободное время, на него уходили все силы. Я с ужасом осознал, что пение, музыка держали меня в храме, а перестав петь, я полностью был побеждён своей ленью и нерадением. Внутри меня образовался вакуум, который ничем нельзя было заполнить. Это тяготило. Поэтому вскоре я всё же стал посещать свой храм по воскресным дням, а затем иногда и по будням. Спустя некоторое время я снованачал петь в приходском хоре под руководством матушки НатальиГапличник. Не знаю, как это произошло, ведь тогда я совсем не жаждал себя где-то пробовать и проявлять. Но, видно, Господу угодно было всё равно меня туда привести. Связки мои к тому времени немного восстановились.

«Думаю, музыка может быть полезна для человека на пути к Богу, если увлекает его и не позволяет заниматься параллельно чем-то низким, недостойным – заполняет внутреннюю пустоту. Таким образом, Господь может хранить «душевных», впечатлительных, творческих людей от падений»

Думаю, музыка может быть полезна для человека на пути к Богу, если увлекает его и не позволяет заниматься параллельно чем-то низким, недостойным – заполняет внутреннюю пустоту. Таким образом, Господь может хранить «душевных», впечатлительных, творческих людей от падений. Но так не может продолжаться вечно. В тот момент, когда вера в человеке укрепляется настолько, что он готов по своей воле, собрав все силы, следовать за Христом, музыка должна уйти в тень и не мешать молитве и богообщению. Она уже не должна заполнять человека всецело. Там должен поселиться и действовать Бог! Каждый должен чувствовать этот момент и расставить приоритеты.

И для меня такой момент наступил. Связано это было с моей группой. После записи альбома мы решили заняться активной концертной деятельностью. Были утверждены туровые даты концертов, и мы несколько месяцев провели на репетиционной точке. Там-то и прозвенел первый звоночек. Я понял, что просто слушать тяжелую музыку и сочинять вокальные партии – это одно, а вести образ жизни металлиста – совсем дру-

гое, мне чуждое и не свойственное. Творчество, искусство и образ жизни здесь идут в одной связке и нельзя уже отделить одно от другого. «Чистое искусство» закончилось. Я всё чаще стал тяготиться репетициями, внутреннее состояние от них становилось унылым и мрачным. Всё больше и больше я чувствовал себя не в своей тарелке.

Кульминацией стал тур. Он совпал с началом Великого поста. Через 10 дней разъездов мы вернулись. Оставшаяся часть поста была для меня окончательно потеряна. Никакой аскезы. Более того – я перестал посещать богослужения. После поста не брезговал пивом по вечерам. С каждым днём уныние только нарастало. Внутри творилось что-то невообразимое. Я падал всё ниже и ниже. Я стал осознавать, к чему приведут меня дальнейшее участие в группе и погоня за «чистым искусством», которое оказалось не таким уж чистым.

Так получилось, что именно в это время я встретил мою Олю. Через некоторое время сделал ей предложение. Она помогла мне прийти в себя. Ради неё захотелось отыскивать смыслы и стараться быть лучше. Я твердо решил уйти из группы. Состоялся сложный разговор с ребятами, но, как я потом узнал, некоторые из них уже догадывались, к чему идет дело и какую новость я им хочу сообщить. Мы пожали друг другу руки и мирно разошлись.

Если раньше мысль о священстве я малодушно игнорировал, то сейчас она подкрепилась нашей общей с Олей решимостью. Мы утвердились в мысли, что хотим послужить Церкви.

Послушание перед поступлением в семинарию я проходил на клиросе своего приходского храма. Снова музыка была рядом. А как без музыки? Но она уже не занимала столько места в сердце, как раньше.

В день памяти архистратига Божьего Михаила мы с Оленькой обвенчались в храме в честь Собора всех Белорусских святых. Теперь у нас была цель жизни – путь, о котором Господь так долго нашёптывал.

Сейчас за плечами половина второго года обучения в Минской духовной семинарии. Здесь, в стенах духовной школы, музыка по-прежнему не оставляет меня – я пою в составе мужского хора на воскресных и праздничных богослужениях. Надеюсь, наше пение украшает службы Успенского Собора Жировичского монастыря.

Студенческая жизнь идёт свои чередом, все мысли сейчас о том, чтобы впоследствии стать священником. Хочется с чистой совестью и пользой служить Церкви. Уверен, что музыка и дальше будет со мной. Толькостанет занимать исключительно положенное ей место. И меня это устраивает, ведь на первом месте в сердце каждого человека должен быть Бог.

Помню ещё первые годы фестиваля, когда я, будучи школьником, ходил на прослушивания. Нынешний фестиваль для меня – это продолжение того «Коложского Благовеста». Участвовать в нём –уже моя личная традиция. Раньше я был слушателем, теперь исполнитель. Первыми духовными произведениями, которые я начал слушать систематически, были диски с записями фестиваля. В какой-то степени это помогало мне развиваться.После рукоположения в дьяконы, мне предложили петь в хоре духовенства епархии, чему я был ужасно рад, потому чтоя просто люблю петь и люблю слушать мужское хоровое пение.Если я люблю хор, если я люблю петь, я люблю и то, что с этим связано.

Фестиваль воспринимаю как составную часть одного общего дела. У нас много праздников зимой: Новый год,Рождество, Крещение и так далее. Мы находимся этой в череде, а потом, как вишенка на торте,– фестиваль. Может быть, нет сил, не хочется,и ты привык заниматься другим, а тут приходится воодушевиться и всем вместе просто сделать невозможное. Это как будто ты копаешь с друзьями картошку, все устают, ивдруг для поднятия боевого духарешают перенести неподалеку лежащее дерево с одного места на другое. Это же вдохновляет!

Священник Александр Колацкий

В ГЛАЗАХ СМОТРЯЩЕГО

ТЕКСТ: ОЛЬГА АГАПОНОВА
ФОТО: АЛЕКСАНДР ПАСЕЧНИК

Артур Камароўскі

СЭНС ЦУКРУ Ў АКІЯНЕ

Як літаратурная Гародня збіраецца змяняць свет

Літаратура адлюстроўвае жыццё ці жыццё літаратуру? Складана адказаць, што мацней, якая паміж гэтымі з'явамі сапраўдная сувязь. Прынамсі, без добрай і густоўнай літаратуры, як без паветра, чалавеку дыхаць складана. Дзе шукаць такую ў невялікай Горадні і як жывецца людзям, якія адкрываюць святло Слова іншым? Мы паразмаўлялі з арганізатарамі і ўдзельнікамі літаратурных імпрэз, што ладзяцца пры Свята-Пакроўскім кафедральным саборы – на адной з буйнешых пляцовак горада.

Святар Павел Каспяровіч

Кіраўнік і адзін з арганізатараў паэтычных вечарын пры Свята-Пакроўскім саборы у межах фестываля «Каложскі Дабравест».

Рынуўся ў бой

Вельмі люблю літаратуру. Калі я стаў святаром і ў мяне з'явілася магчымасць праводзіць літаратурныя мерапрыемствы – адразу рынуўся ў бой. Як кажа мая жонка, «цябе хлебам не кармі, дай з пісьменнікамі сустрэцца». Літаратура – гэта неад'емная частка нашага жыцця, якая ўплывае на станаўленне многіх з нас. Бо мы ж памятаем, што й на пачатку было Слова.

Ад аматараў да літаратараў

Ёсць літаратурныя сустрэчы, што праводзяцца ў межах фестывалю «Каложскі Дабравест», а ёсць вечары, якія мы напрацягу года ладзім на пляцоўцы сабора.

«Я зразумеў, што фестываль – гэта тая пляцоўка, дзе я магу здзейсніць свае юнацкія мары і змяніць, у рэшце рэшт, літаратурную сітуацыю на Гарадзеншчыне»

Усё пачыналася з фестывальных паэтычных вечарын, так званых «Вечарын духоўнай паэзіі і аўтарскай песні». Калі я быў студэнтам семінарыі, то ўдзельнічаў у вечарынах, а пасля стаў за іх адказваць і праводзіць адпаведную лінію. Я абазначаю яе так: ад аматараў да літаратараў. Напачатку гэта былі сустрэчы, дзе нашыя прыдхажане чыталі свае вершы – паўпрафесійныя або непрафесійныя. Мне заўсёды было крыўдна, калі я бачыў на старонках царкоўнага друку непрафесійныя вершы, асабліва побач з паэзіяй Пастэрнака, Ахматавай, Мацюшына. Бо паэзія – гэта майстэрства слова. Паэт – чалавек, які аддае на служэнне Слову жыццё, прынамсі многія паэты так лічаць. А тут я ўбачыў аматаршчыну, якую заўсёды не любіў.

Я зразумеў, што фестываль – гэта тая пляцоўка, дзе я магу здзейсніць свае юнацкія мары і змяніць, у рэшце рэшт, літаратурную сітуацыю на Гарадзеншчыне. Пачаў запрашаць вядомых, добрых паэтаў. Апошнія гады у нас бяруць удзел прафесіяналы, і думаю, гэтую традыцыю трэба працягваць. Чаму? У нас ёсць цікавы сусвет беларускай літаратуры, якім я захапляўся заўсёды. Ёсць магчымасць сустракацца і запрашаць сапраўдных, вялікіх паэтаў.

Свая місія

Сучасная беларуская літаратура знаходзіцца ў нейкім заняпадзе. Успамінаю, як прыйшлося гадоў пятнаццаць таму трапіць у Дом літаратараў у Менску, дзе хадзілі вялікія людзі. Вось дзе быў асяродак літаратуры! Але і зараз літаратура – жывая, цікавыя аўтары ёсць і іх трэба запрашаць.

Ды і для самых аўтараў важна выступіць для людзей. Не так і шмат месцаў, нават калі паглядзець на Горадню, дзе аўтары могуць выступіць з вершамі, дзе адбываюцца літаратурныя сустрэчы. Ну вось зараз з'явіўся «Цэнтр гарадскога жыцца Гродна», былая «Крыга». Ёсць, канешне, і тыя, дзе выступаюць аматары (тут больш падыходзіць слова «графаманы»), але там не цікава. Ад гэтага трэба літаратуру пазбаўляць.

Нашая пляцоўка – гэта месца, дзе мы можам развіваць літаратуру і праводзіць сваю місію сярод літаратараў. Бо літаратары, як і рок-музыкі, фарміруюць светапогляд нацыі, прынамсі, раней так лічылася.

Літаратары – людзі, якія цікавяцца хрысціянствам (успомнім, што беларуская літаратура мае хрысціянскія карані). Можа быць, яны не жывуць царкоўным жыццем, але мы можам весці з імі дыялог.

Пакаленні

Нашыя аўтары – гэта вельмі рознабаковыя людзі: студэнты, прыхаджане, выпускнікі філалагічнага факультэта, сталыя аўтары, якіх можна ўжо лічыць жывымі класікамі – Данута Бічэль-Загнетава, Юрка Голуб. Атрымліваецца такі ланцужок: ад малодшага пакалення да старэйшага. Прычым, нават у маладых аўтараў ужо ёсць свае кнігі. Вось мы рыхтуем зборнік, які будзем прэзентаваць на гэтым фестывалі. Там 11 аўтараў, якія раней выступалі.

Запрашаем аўтараў не толькі з Горадні. Напрыклад, выступаў у нас манах Іаан (Бембель) з Жыровіцкага манастыра, паэты з Менску, з Польшчы.

Але ж мы не толькі запрашаем аўтараў на фестываль: мы робім вечары, прысвечаныя паэтам класікам. «Разбіралі» Караткевіча, Гумілёва, Ясеніна. Была важная асабіста для мяне сустрэча, дзе мы «разбіралі» народных паэтаў Беларусі на прысутнасць у іх творчасці рэлігійных матываў.

Еду ў маршрутцы і плачу

Я лічу, што мы робім вартую справу для нашага нацыянальнага адраджэння і нашай місіі сярод літаратуры. Калі нашыя сустрэчы сканчаюцца і ўсе разыходзяцца, калі ўзнікае адчуванне завершанага свята, я еду ў маршрутцы і, бывае, плачу, ад пачуццяў задавальнення, шчасця, пастырскай самарэалізацыі, пачуццяў блізкасці да паэтаў.

Вось нядаўна мы маліліся на магіле маці Максіма Багдановіча. Зразумела, мы ніколі не бачылі паэта, але праз малітву мы сустракаемся з яго асобай. Было такое адчуванне, што і ён тут, бо ўсе ж жывыя, і дзесьці ён існуе. Мы молімся за яго, каб апынуцца побач з ім. І так з іншымі аўтарамі. Як выказаць пашану? Можна прачытаць верш, павесіць партрэт на сцяне, а можна зрабіць вось такое мерапрыемства, сабраць людзей, разгледзець творчасць паэта. Блізкія людзі, якія побач, ім можна падзякаваць – патэлефанаваць, падарыць штосьці, нешта прыемнае сказаць. А тым, каго няма побач?

Я нават калі малюся на паніхідах, то ў думках заўсёды знаходжу водгук паэта на імя – Лермантаў, Ахматава, Цвятаева, Ясенін, Высоцкі, Галіч, Колас, Броўка.

Пасля мерапрыемстваў я звычайна хварэю. Пасля Гумілёва навогул злёг з хваробай. Вельмі моцна аддаешся эмацыйна і фізічна, і яно вылазіць праз хваробы.

У кожным цэнтры свае тусоўкі

У далейшым, думаю, асноўнае жыццё будзе адбывацца ў Мінску. Я раней не заўважаў, але зараз ведаю, што там ёсць маладое пакаленне літаратараў, якія стануць у будучыні класікамі: Усевалад Сцебурака, Анатоль Івашчанка, Віка Трэнас, Наста Кудасава, Віктар Жубыль.

Але і ў рэгіёнах ёсць цікавыя пісьменнікі. У кожным цэнтры свае тусоўкі, свае зоркі, пэўнае літаратурнае жыццё і літаратурная гісторыя. Ці з'явяцца такія як Барадулін, Бураўкін, сказаць складана. Але хтосьці ж мусіць быць такога узроўню як Разанаў ці Някляеў?

Датычна Горадні. У мяне ёсць зборнік «Лабірынты прывіднага замку». Там Брусевіч, Гумянюк, Мазько, Шалкевіч, Дабравольская, Пацюпа, Дзівашэвіч. Палова з'ехала, палова памерла. Зараз Брусевіч – той, хто задае тон гарадзенскай паэзіі. Нашыя жанчыны добра пішуць – Ала Нікіпорчык, напрыклад. Маладзейшых аўтараў я не ведаю, не таму, што іх няма, а таму што мала знаёмы з гэтымі тусоўкамі, клубамі. Безумоўна, маладыя таленавітыя аўтары ёсць. Узяць хаця б аўтараў, якія публікуюцца ў часопісе «Новы замак».

святар Павел Каспяровіч

Трымаць мяжу

Людзі заўсёды дзякуюць, раяць штосьці. І мы прыслухоўваемся. Для нас вельмі істотная гэтая зваротная рэакцыя. Менавіта яна фармуе змест наступных сустрэч. Важна браць да ўвагі парады і мяняцца. Спрабаваць новыя формы, новыя падыходы ў нашых літаратурных сустрэчах.

Ёсць каманда. Найперш – наш настаяцель, з якім мы абмяркоўваем нашыя ідэі. Вось Лена Бабіч, якая робіць усе афішы да мерапрыемстваў. Пасля яны здаюцца ў архіў музея Багдановіча. Па гэтых афішах можна будзе пісаць гісторыю літаратурнай Гарадзеншчыны. Там і пра нас напішуць. Анатоль Брусевіч, выкладчык універсітэта ГрДзУ, паэт; Вольга Агапонава, паэтка. Многія, многія іншыя. Таксама мы пачалі супрацоўнічаць з гарадзенскай філіяй Саюза беларускіх пісьменнікаў. У нас ёсць сумесныя планы, у тым ліку ў межах фестываля.

У цэлым, наша мэта – ісці да сапраўднай літаратуры, да высокага мастацкага слова і трымаць мяжу, якая не дазволіць графаманства.

Вольга Агапонава

Паэтка, удзельніца паэтычных вечарын пры Свята-Пакроўскім саборы, аспірантка ГрДзУ імя Янкі Купалы.

Ідэя заўсёды недзе віруе

Фестываль і літаратурныя вечарыны – гэта душэўнае намкненне айца Паўла. Я ведаю, як ён захапляецца літаратурай, як жадае стварыць добрую літаратурную пляцоўку ў Гародні. І робіць ён гэта аддана, збіраючы вакол сябе неабыякавых людзей.

Па Дастаеўскаму, ідэя заўсёды недзе віруе. Проста трэба, каб хтосьці яе схапіў і пачаў працаваць. І тое зрабіў айцец Павел. Дзеля чаго? Па-першае, ў асветніцкіх мэтах. Па-другое, гэта такі своеасаблівы дыялог выступоўцаў і аўдыторыі, паміж якімі – хрысціянства як неад'емная частка размовы. Ну, а па-трэцяе, адкажу пытаннем на пытанне – а навошта навогул нешта робіцца? Гэта пэўны момант рэфлексіі, прапускання праз сябе часткі літаратуры, асобы пісьменніка, гэта аддадзены і набыты вопыт. Гэта дыялог, далучэнне да Слова праз літаратуру.

Як і любая дзейнасць, асветленая і асвечаная Хрыстом, яна прыносіць карысць. Тут можа і не быць нейкай глабальнай думкі, але для выступоўцаў і ўдзельнікаў гэта рэфлексія, новы погляд на літаратуру, у тым ліку і праз хрысціянства; для слухачоў – набыццё новага. Чамусьці ж людзі прыходзяць. Гэта ўжо своеасаблівая традыцыя. Людзі прыкладна ведаюць, што яны там пачуюць. І яны прыходзяць паслухаць, каб нешта набыць разам з вершамі.

«Многія людзі, у тым ліку і ўвацаркаўлёныя, глядзяць на літаратуру катэ гарычна – як на дрэннае або добрае. Але яна такой быць не можа па сваёй сутнасці.»

Густ, пачуццё меры і катэгарычнасць

Безумоўна, такія мерапрыемствы здольныя прывіваць густ і пачуццё меры. Нельга засяроджвацца на нечым адным. На нацыянальным, напрыклад, ці рэлігійным. Трэба паказваць, што ў літаратуры галоўнае – літаратура.

Калі яна прымушае заплакаць – гэта лепшае, што можа быць. Духоўны складнік? Так, дзякуючы яму мы можам глянуць на літаратуру як на цэлае, без падзелу на розныя аспекты. Я прыйшла да высновы, што многія людзі, у тым ліку і ўвацаркаўлёныя, глядзяць на літаратуру катэгарычна – як на дрэннае або добрае. Але яна такой быць не можа па сваёй сутнасці.

Трэба каб літаратура выходзіла ў людзі

Упэўненая, што літаратура на Гродзеншчыне жыве, але трэба, каб яна «выходзіла ў людзі». Фестываль – гэта адна з магчымасцяў падыхаць паветрам літаратуры ў Гародні. Бо складаецца ўражанне, што ўсе сядзяць па сваіх «норках». Безумоўна, некаторых засмучае выраз «духоўная паэзія». Але гэта неабавязкова пра Бога. Калі б усе разумелі, што ўся добрая літаратура блаславёная Богам, гэтага б не было.

Вольга Агапонава

Анатоль Брусевіч

Паэт, дацэнт кафедры польскай філалогіі ГрДзУ імя Янкі Купалы, удзельнік і адзін з арганізатараў літаратурных вечарын пры Свята-Пакроўскім саборы.

Прышчэпка добрага густу

Айцец Павел – мой даўні сябра. Памятаю, калі ён яшчэ быў рок-паэтам, а не святаром, мы мелі розныя планы на будучыню. Адзін з іх – пашырэнне літаратурнага працэсу на Гарадзеншчыне. Ён заўсёды быў сціплым у параўнанні з Мінскам. Дык вось, тады не было магчымасцей. А не так даўно з'явіліся.

Адбылося гэта з адкрыццём пляцоўкі – актавай залы сабора, дзе можна збіраць шмат людзей і ладзіць розныя імпрэзы. Зразумелі, што ў межах фестывалю можна рабіць і літаратурныя чытанні. Яны былі і раней, але такога… дылетанцкага ўзроўню, скажам. Калі збіраюцца дылетанты, на ўзроўні гурткоў, яны псуюць працэс і літаратурныя густы. Мы ж вырашылі густ прывіваць. Не толькі падчас фестывалю, але і на працягу года – з дапамомай літаратурных вечарынаў. Мы збіраем творцаў, выключна прафесійных, запрашаем гасцей з Мінску. Але, па вялікім рахунку, стараемся ўсё рабіць самі. Галоўнае – каб было прафесійна.

Літаратура ці не?

Вызначэнне родзіцы паміж высокім мастацтвам і графаманствам – гэта вельмі складаная справа. Але ёсць пэўныя крытэрыі. Скажам, класічнасць, з якой можна параўнаць сучасную творчасць. Я давяраю свайму густу. Калі бачу, што чалавек за-

Анатоль Брусевіч

ймаецца эпігонствам, наследаваннем, эпатажам (альбо зусім яго не мае), то гэта не літаратура. Сапраўдная літаратура павінна ўздзейнічаць на эмоцыі: узбуджаць свядомасць, нагадваць, што ты чалавек, нараджаць нешта прыгожае ў душы. Вось, што мы хочам данесці да людзей.

Мне падаецца, што грамадства пазбаўлена добрага густу. Нашыя мерапрыемтсвы – гэта спроба спыніць дэградацыю літаратуры і вербальнай прасторы, пазнаёміць людзей з добрым мастацкім густоўным Словам.

Сваімі сіламі

На шчасце, нашыя з айцом Паўлам погляды на густ, на літаратуру, на перспектывы мастацтва супадаюць. Мы амаль не спрачаемся, каго запрасіць. Хаця бывае. Айцец Павел хоча больш запрашаць мінскіх паэтаў, а я ўпэўнены, што мы можам абысціся і сваімі сіламі. У нас ёсць вельмі добрыя маладыя літаратары, не горшыя, чым мінскія, ёсць амаль што класікі. Напрыклад, удзел у фестывалі бярэ Данута Бічэль. Гэтая пісьменніца на сёння – найлепшая ў літаратуры і паэзіі не толькі Беларусі, але і Еўропы. Выступае таксама Юрка Голуб. Малодшае пакаленне – Аліна Паўлоўская, Вікторыя Смолка. Стараемся запрашаць людзей, чыя паэзія не чужая для хрысціянскага светабачання. Бо, найперш, гэта фестываль праваслаўны. Таму хрысціянская культура павінна прысутнічаць. Але першы крытэрый – прафесіяналізм.

Духоўная паэзія – спосаб светабачання

Калі аўтар проста паставіць у сваім вершы словы «Бог» ці «Багародзіца», то гэта яшчэ не будзе духоўная паэзія. Духоўная паэзія – гэта, найперш, добрая паэзія. Гэта спосаб светабачання, нармальнае мастацтва ў класічным разуменні. Паэзія павінна ўзрушаць душу, абуджаць, яна не павінна быць рацыянальнай, інфарматыўнай. Наша літаратура пачалася з хрысціянскай. Гэты складнік для яе абавязковы. І калі ён прападае, то ўзнікае пытанне: ці ёсць там наогул мастацкасць?

«Духоўная паэзія – гэта, найперш, добрая паэзія. Гэта спосаб светабачання, нармальнае мастацтва ў класічным разуменні»

Спроба адраджэння

Можна сказаць, што нашая дзейнасць ў пэўнай ступені – спроба адраджэння гарадзенскай рэгіянальнай літаратуры. Тут трэба памятаць, што нацыянальная літаратура складаецца з рэгіянальных. Ёсць літаратары, якія працуюць на перыферыі – яны і складаюць агульнанацыянальны літаратурны працэс. Адна з ідэй фестывалю і вечарын заключаецца ў наступным: адраджаючы літаратуру Гарадзеншчыны, мы адраджаем і нацыянальную беларускую літаратуру. Я думаю, што ў нас аўтары можа і цікавейшыя. Тым больш, што на мясцовым узроўні сваё адгукаецца найлепш. Мінскім літаратарам хапае сваіх пляцовак. У Горадні жа добрую літаратуру можна паслухаць толькі на нашай пляцоўцы. У былой «Крызе» таксама, але там не так шмат месца.

фота Аляксандра Пасечніка

Узбіраемся на вяршыню

Усё адбываецца адначасова – і вечарыны, і фестываль. Проста фестываль – гэта такая вяршыня, куды мы кожны год узбіраемся. Гэта падсумаванне. Там збіраюцца прафесіяналы. Вечарыны ж адбываюцца цягам года, ў іх прымаюць удзел таксама і пачаткоўцы.

Каб удзельнічаць, чалавек павінен пісаць добрыя творы. І тут спрацоўвае прынцып суб'ектыўны. Нехта нават можа пакрыўдзіцца, бо падумае: «я ж пішу добрыя вершы, а мяне не запрасілі». Мы кіруемся толькі асабістым пачуццём вартасці слова, сваім асабістым густам. Абіраем творцаў, якія адпавядаюць нашым эстэтычным уяўленням.

У Беларусі ёсць два галоўныя творчыя саюзы. Мы працуем пераважна з тымі хто ўваходзіць у Саюз беларускіх пісьменнікаў (дзе знаходжуся сам). Запрашаем і творацаў, якія не належаць ніякаму саюзу. Важнае само Слова. І тое, што чалавек можа годна прадстаўляць нашую гарадзенскую вербальную прастору.

Трэба памятаць, што нашыя мерапрыемствы – гэта не толькі чытанне вершаў, але і прадстаўленне навуковых дакладаў, паказ прэзентацый. Імпрэзы не толькі літаратурныя, але і асветніцкія, адукацыйныя.

Якія шансы?

Я думаю, што беларуская літаратура мае ўсе шанцы стацца найлепшай літаратурай у свеце. Па той простай прычыне, што адбываецца заняпад літаратурнага працэсу. Дастаткова паглядзець на Нобелеўскую прэмію апошняга году. Літаратура дэградуе. Можа быць таму, што ўсё некалі пачынаецца і некалі мусіць скончыцца. Літаратурны працэс развіваецца па стадыях. І сусветны працэс прайшоў усе свае стадыі, а беларуская літаратура яшчэ не дайшла да постмадэрнізму, які ўсё зруйнаваў і знішчыў.

Хаця многія кажуць, што і ў нас ёсць постмадэрністы. Я думаю, што мы якраз на добрым шляху, калі мадэрнізм цалкам не пераадолены, у чаканні, што выйдуць новыя цікавыя творы. Але праблема ў тым, што мы не ўмеем папулярызаваць сваю літаратуру. Марціновіч? Так, ён умее папулярызаваць. Ён піша цікава, але яго творчасць разлічаная на масы. Ён робіць прадукт. Я схільны думаць, што літаратура павінна быць нечым элітарным. Мы працуем на эліты.

Хочацца верыць, што спажывецкае грамадства будзе жыць у сваім свеце. І створыцца яшчэ адзін свет, які будзе прэзентаваць беларускую літаратуру як мастацтва элітарнае. Бо рацыянальнае, разлічанае на поспех у нейкі момант перастае быць мастацтвам.

Кіданне цукру ў акіян

Пасля мерапрыемстваў я чакаю апладысментаў. Чакаю, што людзі пойдуць з добрым гуморам, з глыбокімі думкамі. Яны задумаюцца, што ёсць літаратура і дзе месца беларускай літаратуры ў межах сусветнай. Я чакаю, што будзе нейкі працяг. Што людзі захочуць купіць кнігі, пагартаць старонкі класічнай беларускай літаратуры. Што свет зменіцца пасля такіх імпрэз. Гэта можа нагадваць кіданне цукру ў акіян, каб зрабіць яго менш салёным. Але, між тым, трэба рабіць справу.

Когда бы нас мечты не вдохновляли
О том, чего дождемся мы едва ли;
Когда бы все, чему сужден конец,
Нам болью не тревожило сердец, -
Тогда бы жить нам в сумеречной мгле
Без цели и без смысла на земле...
Но Мастера минует суета:
Где он ступил — там смысл и красота.

Гуго фон Гофмансталь

«КОЛОЖСКИЙ БЛАГОВЕСТ»

Специальный выпуск журнала "Поколение", посвящённый фестивалю православных песнопений «Коложский Благовест».

№ 1 (14) 2017

Издаётся по благословению Высокопреосвященнейшего Артемия, архиепископа Гродненского и Волковысского

Учредитель: Гродненская епархия Белорусской Православной Церкви Московского Патриархата

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1630 от 23. 05. 2013, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Главный редактор: Елена Бабич

Редакционная коллегия: Ольга Агапонова, Ольга Аксёнова, Певел и Анна Буй, Мария Дубровская, Екатерина Осовская, диакон Дмиртий Павлюкевич, Лилия Шмуратко, Екатерина Яковчик

Компьютерная вёрстка: Елена Бабич

Корректоры: Лилия Шмуратко, Алина Павловская

Авторы статей номера: Ольга Агапонова, Анастасия Арсоба, Елена Бабич, Артур Комаровский, Сергей Пучек.

Фото: Геннадий Карагодин, Инна Ким, Александр Пасечник, Николай Савицкий.

Адрес: Республика Беларусь,
230023, г. Гродно, ул. Ожешко, 23

Электронный ящик редакции:
pokolenie-red@tut.by
Электронный адрес: поколение.бел
Адрес "Вконтакте": vk.com/pokolenie_by

Журнал "Поколение" №14
Подписано в печать 25. 01. 2017.
Формат 60x90/8. Бумага мелованная.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,50. Усл. изд. л. 12,60.
Тираж 550 экз. Заказ 192.

Гродненское областное унитарное полиграфическое предприятие «Гродненская типография».
ЛП № 02330/0552745 от 25.02.2009.
Ул. Полиграфистов, 4, 230025, Гродно.

Электронный адрес: ПОКОЛЕНИЕ.БЕЛ

Подключайтесь к обсуждению номера «Вконтакте»
vk.com/pokolenie_by